

Frère Jean

Traduction Anna Davidenkoff

Брат Иоанн

Перевод Анны Давиденковой

Signes de lumière
Poèmes & Photos

Светозарные знаки
Поэзия - Фотография

Editions Art Sacré
Издательство
"Священное Искусство"

Frère Jean

Traduction Anna Davidenkoff

Брат Иоанн

Перевод Анны Давиденковой

Signes de lumière

Poèmes & Photos

Светозарные знаки

Поэзия - Фотография

Éditions Art Sacré

Le Verdier - 48160 Saint-Julien-des-Points

www.photo-frerejean.com

skite.saintefoy@wanadoo.fr

Tél : 04 66 45 42 93

Издательство

«Священное Искусство»

Франция - 48160 Сен-Жюльен-де-Пуэн, Ле Вердьё

Сайт : www.photo-frerejean.com

E-mail : skite.saintefoy@wanadoo.fr

Tél : 00 33 (0)4 66 45 42 93

Предисловие

Дорогой Брат Иоанн,

Вот уже больше недели, я мысленно с Вами, получив от Анны Давиденковой Ваш сборник с её переводом стихов на русский язык.

Это - замечательное произведение.

Перечитывая его, и размышляя о Вашей поэзии, я извлёк для себя большую духовную пользу.

Я осмелился также немного отредактировать перевод и посылаю его Вам.

Пусть радость Воскресения изольётся в сердца всей Вашей святой общины скита Святой Веры.

С любовью о Христе Воскрешем,

*Протопресвитер Борис Бобринский -
Бюсси, Вторая седмица по Пасхе (2016)*

Préface

Bien cher Frère Jean,

Depuis plus d'une semaine je suis près de vous
en raison de votre texte,

que m'a transmis Anna Davidenkoff,
ainsi que sa traduction des poèmes en russe.

Votre texte est vraiment remarquable.

Je l'ai lu et travaillé avec un grand profit spirituel.

Je me suis permis d'améliorer cette traduction
que je vous envoie ci-joint.

Que la joie de la Résurrection abonde dans les cœurs
de toute votre sainte communauté du skite Sainte Foy.

Dans l'Amour du Christ ressuscité,

Archiprêtre Boris Bobrinskoy -

Bussy, Deuxième semaine après Pâques (2016)

Вступление

*«В лесах ты найдешь куда больше, чем в книгах.
Деревья и камни научат тебя большому, чем любой учитель.»*

Святой Бернар Клервоский

Да, будь то поэзия или фотография, уход за садом или приготовление пищи, архитектура, песнопение или молитва - это просто разные способы выражения нашей веры, нашей любви к Красоте. Действия наши смиренно свидетельствуют о восхищении перед Творением: на нём десница Бога и Творца нашего оставляет свой отпечаток.

Цель создаёт смысл: *«Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжении Духа Святого Божьего»*, говорит преподобный Серафим. Нет пути: я есмь путь, по нему каждый взбирается из своих глубин, чтобы открыться Божественному Присутствию.

Это Божественное Присутствие сокрыто в запредельном, в бездонной глубине нашей души. Молящийся и поэт, фотограф и певчий озарены Благодатью. Как *жертва хваления*, как свет незакатный, их творения сияют всеми своими гранями.

Анна Давиденкова сумела уловить парадоксы и аналогии этих поэм. И благодаря участию протопресвитера Бориса Бобринского и Дьякона Германа Демидова, вся тонкость поэтического оригинала передаётся в переводе на русском языке. Мы весьма признательны им за это.

Перед тем, как пригласить Вас познакомиться со сборником *Светозарные Знаки*, не могу удержаться, чтобы не процитировать русского писателя, Достоевского: «Красота спасёт мир!»

Брат Иоанн

Avant Propos

*« Tu trouveras quelque chose de plus dans les forêts que dans les livres.
Les arbres et les pierres t'enseigneront ce qu'aucun maître ne te dira. »*

Saint Bernard de Clairvaux.

Oui la poésie, la photographie, le jardin, la cuisine, l'architecture, le chant, la prière... sont des moyens pour exprimer de diverses manières notre foi, notre amour de la Beauté. Nos actes témoignent humblement de notre émerveillement face à la Création qui porte l'empreinte de la main de son Créateur, Dieu.

Le But crée le sens, « *le But de la vie chrétienne c'est l'acquisition de l'Esprit Saint de Dieu* » dit saint Séraphim de Sarov. Il n'y a pas de chemin, je suis le chemin, chacun escalade ses propres profondeurs afin de s'ouvrir à la divine Présence. Présence divine qui repose dans un au-delà, au plus profond de nous-mêmes.

L'orant, le poète, le photographe, le chanteur deviennent transparents à la Grâce. La louange irradie de toutes parts de leurs œuvres comme une offrande, comme une lumière sans déclin.

Anna Davidenkoff a su percevoir les paradoxes et les analogies de ces poèmes. Et grâce au concours de l'archiprêtre Boris (Bobrinskoy) et du diacre Germain (Demidov), toute cette subtilité du texte poétique original a pu être restituée dans la traduction russe. Qu'ils soient remerciés.

Je ne peux pas m'empêcher avant de vous inviter à découvrir *Signes de Lumière*, de citer l'écrivain russe, Dostoïevski : « *La Beauté sauvera le monde* ».

1. Скит

Скит Святой Веры – древняя обитель,
маяк, соединяющий небесный океан
с землей Севенн – возносится над окрестностью.
Крепость, смотрящая во внутренний двор,
строгое и величавое сельское строение,
пристань сосредоточенности и сияния,
улыбается бегу времени.
Сердце паломника услаждает музыка источника,
берущего начало из недр обители.
Созданный из камня, на камне,
скит Святой Веры
восходит к Вечно Живому
через предания Старцев.
От цитадели из сланца
возносятся псалмы
и радостные песнопения монахов,
смирненно воспевающих
свою любовь ко Христу!

1. Skite

СКИТ

7

Le skite Sainte-Foy, cette noble demeure,
élevée au-dessus des paysages environnants,
s'offre comme un phare qui relie l'océan du ciel
à la terre des Cévennes.

Cette forteresse ouverte sur une cour intérieure,
mas sombre et puissant,
lieu de concentration et de rayonnement,
sourit au temps qui passe.

De son sein jaillit une source
dont la musique désaltère
le cœur du pèlerin de passage.
Construit avec le roc, sur le roc,
le skite Sainte-Foy

s'enracine par les Anciens
jusqu'à l'Immuable vivant.

De cette citadelle de schiste
s'élève la psalmodie humble et joyeuse
des moines :
les amants du Christ.

2. Невинность

Чудесный сад был первым облачением человека,
одетый розами, жасминами,
львами и голубями,
долинами, росой покрытыми.
Человек был мерой всех вещей,
творцом жилища своего.
Но первые одежды он меняет на кожаные ризы.
«Где ты?» - взывает Бог,
а он не смеет больше показаться.
Узник своей плоти,
он отверзает новые двери,
восстанавливает толпы
в неизмеримых и сокровенных их размерах,
воодушевляет храм тела своего
и возобновляется Завет.
В невинной наготе,
в творческом смиренье
он облекается
несотворенным Светом первого дня.
И первозданным достоинством сыновства.

2. Innocence

Le premier habit de l'homme est un jardin,
vêtu de roses et de jasmins,
de lions et de colombes,
de vallées et de rosée.
Il imprime aux choses sa mesure,
construit sa propre demeure.
Dans son nouvel habit de peau,
il se dérobe aux regards.
Dieu le cherche : « Où es-tu ? »
Prisonnier de lui-même,
l'homme ouvre de nouvelles portes,
réintègre les foules
dans leurs intimes démesures,
réanime le temple de son corps
afin de restaurer l'Alliance.
Dans une nudité innocente,
dans un effacement créateur,
il se laisse revêtir
de la Lumière incréée du premier jour.
Il redevient fils de l'Homme.

Невинность

3. Любовь

Лишь благодаря другому существует любовь,
себялюбие заточает её, зависть ее уничтожает,
скудость ее отрицает, привычка сушит её.
Любовь питается самопожертвованием,
лишь презрения достоин тот, кто хочет купить её.
Любовь превосхищает просьбу любимого,
она опережает его желания, она взаимный ответ.
Любовь свершается в тайном алькове сердца,
где каждый отдается объятиям другого,
на брачный пир посторонних и праздных не зовут.
Любовь выражается понимающим взглядом, жестом,
она раскрывается в молчаливом поцелуе.
Любовь вступает в соитие с противоположным,
но той же природы, чтобы дополнить его,
во плоти из огня, воды, дыхания и нежности.
Сильна как смерть, она возносится над безднами,
примирает крайности.

Любовь тайну счастья открывает,
приводя к встрече целостного существа
в единении, где настоящее приобщается к вечности.
Любовь не задает вопросов, она сама ответ,
она необъяснима, живет в упоении мгновения.
Любовь никогда не исчерпывается.
Бог в Своем милосердии отвечает моей любви
Своей Любовью, беспредельной и вечно новой.
Ибо Он первый возлюбил меня. »

ЛЮБОВЬ

3. Amour

L'amour n'existe que par l'autre,
l'égoïsme l'enferme, la jalousie le détruit,
l'avarice le nie, l'habitude l'assèche.
L'amour se nourrit du don de soi,
celui qui veut l'acheter ne récolte que du mépris.
L'amour pressent la demande de l'aimé, il devance son désir,
il est une réponse réciproque.
L'amour se vit dans l'alcôve secrète du cœur
où chacun s'offre à l'étreinte de l'autre,
aucun étranger, aucun curieux n'est invité aux noces.
L'amour s'exprime à travers la complicité d'un regard, d'un geste,
il se formule dans le silence d'un baiser.
L'amour s'unit à son opposé de même espèce
pour devenir son complémentaire,
dans une chair de feu, d'eau, de souffle et de tendresse.
Fort comme la mort, il survole des abîmes, réconcilie les extrêmes.
L'amour révèle le secret du bonheur
permettant la rencontre globale de tout l'être
dans une union où le présent communit avec l'éternité.
L'amour ne pose pas de question, il est sa réponse,
il ne s'explique pas, il se vit dans l'ivresse de l'instant.
L'amour n'a jamais fini d'être vécu.
Dieu dans Sa miséricorde répond à mon amour
par Son Amour infini et sans cesse renouvelé,
Lui qui m'a aimé le premier.

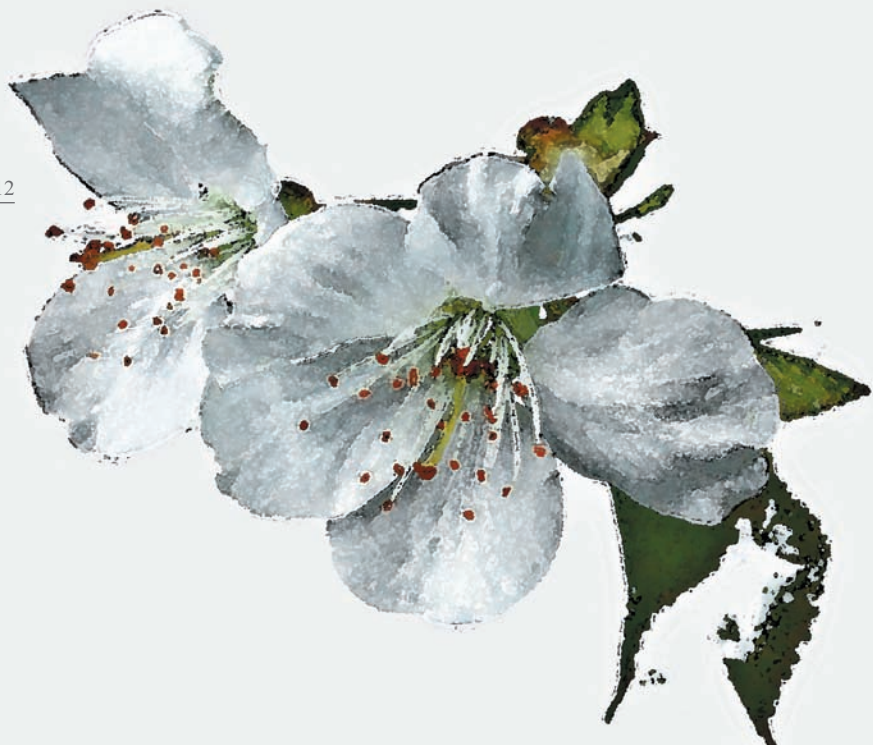
4. Цветок жизни

Как из кадила струится
приятный аромат
вишневого цветка.

Он катализатор света,
плодотворную пыльцу принимающий
от других подобных цветов.

Как монстранц, обращенный к солнцу,
на протяжении лишь нескольких суток,
он целиком отдается пламени любви,
чтобы свой плод принести небесам
в благое время.

Цветок жизни

4. Fleur de vie

L'arôme suave
de la fleur du cerisier
s'évapore comme d'un encensoir.
Elle est un catalyseur de lumière
qui se laisse féconder par le pollen
des autres fleurs de la même espèce.
Orientée vers le soleil comme un ostensor, elle se laisse brûler par l'amour
en l'espace de quelques jours,
pour produire en son temps
un fruit dans le ciel.

5. Смерть

Смерть может сломить жало разрушения и возродиться,
или вырвать посева росток.
Чтобы встретить смерть, и не раствориться в ней,
миндаль, первобытного сознания мандорла,
должен пережить тоску,
скорбь одиночества,
предсмертное отчаяние...
не сопротивляясь ей, как герой
или как безмятежный стоик, но вживаясь в нее,
сам устремляясь ей навстречу
и, как всадник, укрощая ее той любовью,
которая сильнее смерти.
Жизнь тление поглощает,
разрушительная смерть поправа,
пространство бессмертия скорлупу миндаля прорывает
и он вступает в воскресение, чтобы в него вписать жизнь.

Смерть не конец жизни, но конец земного пути.
Противоположностью смерти не является жизнь,
а рождение.
Человек, от рождения до смерти,
в течение своего существования,
может завершить свою жизнь,
призванную к бессмертию.

Смерть

5. Mort

La mort peut briser le dard de la destruction et renaître,
ou arracher le germe de la semence.

Pour affronter le passage de la mort sans s'y dissoudre
l'amande, mandorle d'une conscience primitive,
doit assumer l'angoisse,
la tristesse de la solitude,
la désolation de l'agonie...

non pas en l'affrontant comme un héros
ou un stoïcien impassible, mais en la vivant de l'intérieur,
en allant au-devant d'elle dans une continuité naturelle
pour la chevaucher dans un amour plus fort que la mort.
La vie absorbe la putréfaction,
la mort destructrice est jetée dehors.

Un espace de non-mort troue l'écorce de l'amande
qui entre dans la résurrection pour y inscrire la vie.

La mort n'est pas la fin de la vie, mais la fin de l'existence.

Le contraire de la mort n'est pas la vie.

Le contraire de la mort est la naissance.

L'homme, entre sa naissance et sa mort,
c'est-à-dire durant son existence,
peut accomplir sa vie
qui est appelée à l'immortalité.

ЖИЗНЬ

16

6. Жизнь

Почка мака-самосейки
свои крылья расправляет,
чтобы обнажилось
в пурпурном платье
эбеновое сердце.
«Черна я, но красива»
молвит солнцу мак-самосейка.
На хрупком стебле висящая,
она небо лобзает
алым поцелуем.

(Песнь песней 1, 5)

6. Vie

La coque du coquelicot
ouvre ses deux ailes
pour laisser éclore,
dans une robe écarlate,
un cœur d'ébène.
« Je suis noire et belle »
dit la fleur du coquelicot au soleil.
Suspendu sur sa frêle tige,
il embrasse le ciel
d'un baiser vermeil.

(Cantique des cantiques, 1, 5)

7. Désir de la terre

La rosée pendant la saison sèche
éclaire de ses mille feux humides la nature.
Chaque matin, chaque brin d'herbe
reçoit la goutte utile pour sa journée.
Cette parcelle d'eau lumineuse
désaltère, réconforte, vivifie.
La rosée bénit d'une caresse baptismale
le brin d'herbe,
qui s'incline sous l'effleurement de sa fraîcheur.
L'humidité de la goutte de rosée
ne tombe pas du ciel,
elle est un don qui s'élève
de l'humidité de la terre
et qui ruisselle jusqu'au cœur des pétales,
qui la recueillent dans un écrin parfumé.

7. Чайные земли

В сухое время года
роса освещает природу тысячами влажных огней.
А по утрам каждая травинка
получает насыщную на день росинку.
Частица светозарной воды
утоляет, утешает, животворит.
Крестильной лаской
роса благословляет травинку,
и она клонится от прохлады ее прикосновения.
Влага росинки
не с неба нисходит,
она дар, восходящий
от влаги земли,
и струится до сердцевины лепестков,
хранящих ее в благоуханном ларчике.

8. Здесь и ныне

Если человек идет в будущее,
вдохновляясь своими воспоминаниями,
которые он в бесконечности мгновений возобновляет,
если он за прошедшие переживания упорно ухватывается,
он будет на каждом шагу спотыкаться.

Если человек закрывается в своем прошлом,
без конца вспоминаемом,
его зрение воспримет встречу сквозь вуаль призраков,
которые будут ухватываться за него.

Но, если когда-нибудь в глубинах его человечности дверь открывается,
озаряется новым светом его тьма.

Взор воспринимает девственность мгновения,
освобождая реальность от всех оков.

Человеку представляется событие в невинном созерцании.

Глубину его души восхищение наполняет,
мгновение раскрывается в бесконечных возобновлениях.

Христос, как нищий, алчущий любви,
неустанно стучит в дверь сердца человека.
Если он откроет, то они приобщаются на брачном пиру.

8. Ici et maintenant

Si l'homme progresse dans son avenir,
animé par ses mémoires
qu'il réactualise dans l'infini des moments,
s'il s'accroche obstinément à ses émotions passées,
il trébuche à chacun de ses pas.
Si l'homme s'enferme dans son histoire sans cesse ressassée,
son regard perçoit la rencontre à travers le voile des fantômes
qui s'accrochent à lui.
Mais si un jour la porte au fond de son humanité s'ouvre,
une lumière nouvelle illumine ses ténèbres.
Le regard perçoit la virginité de l'instant,
libérant la réalité de tout enchaînement.
L'homme découvre l'événement dans une contemplation innocente.
Le ravissement inonde la profondeur de son âme,
l'instant se révèle dans d'éternels recommencements.

Le Christ, comme un mendiant d'amour,
frappe inlassablement à la porte du cœur de l'homme.
Si celui-ci ouvre, ils partagent le repas de noces.

Здесь
и ныне

Раститель

9. Растительный собор

Насадил Господь Бог сад.

От древа познания в саду Эдемском,
через расцветший жезл Аарона, дрок Ильи,
через древо Иессеево, Мамврийский дуб, акацию Хирама,
через древо животворящего креста на вершине Лобного места,
до древа жизни в небесном Иерусалиме,
производящего двенадцать урожаев в год.

Вся Библия вдохновлена щедрым послушанием природы,
призывая к возвращению в Царство человека.

Животным нарекает Адам имена,

Бог Господь говорит сквозь тишину деревьев и кустов.

Величавый кедр, могущественный дуб, оливковое дерево мира,
негниющая акация, миндаль в образе мандорлы,
плодоносная смоковница, ива оплакивания,

дрок с золотой почкой, виноград трезвого упоения, плющ роскошный,
нарцисс с опьяняющим ароматом, лилия и лотос - отражение чистоты,
хлеб - свидетель человеческого труда...

Здесь имена: пшеница, полба, лен, ячмень, бобы, чечевица.

Вечные имена: мандрагора, иссоп, тмин, кориандр, полынь,
колоквинт, мирра, сикомор, пальма, неопалимая купина...

НЫЙ СОБОР

9. Cathédrale végétale

Dieu crée un jardin.

De l'arbre de la connaissance dans le jardin d'Eden,
en passant par le bâton fleuri d'Aaron, par le genêt d'Elie,
l'arbre de Jessé, le chêne de Mambré, l'acacia d'Hiram,
par le bois de la vivifiante croix au sommet du crâne,
pour arriver à l'arbre de Vie de la Jérusalem céleste
qui produit douze récoltes par an.

Toute la Bible s'inspire de l'obéissance généreuse de la nature
pour inviter l'homme à revenir dans le Royaume.

Adam nomme les animaux,

Dieu parle à travers le silence des arbres et des buissons :
cèdre majestueux, chêne puissant, olivier de la paix,
acacia imputrescible, amandier à l'image de la mandorle,
figuier généreux, saule des pleurs, genêt à la fleur d'or,
vigne de la sobre ivresse, lierre exubérant,
narcisse à l'arôme enivrant, lis et lotus images de la pureté,
blé révélateur du travail de l'homme...

Des noms d'ici : froment, épeautre, lin, orge, fève, lentille.

Des noms de toujours : mandragore, hysope, cumin, coriandre,
absinthe, coloquinte, myrrhe, sycomore, palmier, buisson ardent...

10. Утреннее лобзание солнца

В тихой прозрачности зари
псалмопение утрени призывает день к восходу,
ветерок благоухает.

Прекрасный день радужно озаряется,
солнце восходит над холмом,
на вершине которого выделяются дубы,
подобно китайским теньям.

Пейзаж открывается краскам полевых цветов,
и переливам птиц.

Ранняя цикада пространство качает
своим мерным стрекотом,
она нас приглашает вместе угощаться
вареньями и хлебом за горячим кофе.

Каждый воздерживается от размышлений,
наслаждаясь простым движением руки,
его освобождающим от всякой воли.

Воздух, насыщенный покоем, указывает дорожки,
лишь утихшему взору доступные.

Око пронзает пространство, неустанно созерцая
сию сверкающую мириадами блесков природу.

Наши полузакрытые глаза готовы принимать
оплодотворение лобзанием нового дня.

Утреннее

10. Baiser matinal du soleil

Dans la transparence silencieuse de l'aurore,
la psalmodie des matines invite le jour à naître,
la brise se parfume d'encens.
Une belle journée se colore de lumière,
le soleil se lève sur la colline
au sommet de laquelle des chênes
se découpent en ombres chinoises.
Le paysage s'ouvre aux couleurs des fleurs des champs,
et à la ritournelle des oiseaux.
La première cigale berce l'espace
de son grésillement cadencé,
elle nous invite à partager des confitures
et du pain autour d'un café chaud.
Chacun se retient de penser, savoure son geste,
en le libérant de toute volonté.
L'air, baignant dans la sérénité, révèle des chemins
que seuls les regards légers peuvent emprunter.
L'œil plonge dans l'espace sans se lasser
de contempler cette nature aux mille éclats.
Nos yeux mi-clos se laissent féconder
par le baiser d'un jour nouveau.

Лобзание солнца

11. Тишина

За пределами слов,
за пределом смысла
есть тишина.
Настает время,
когда созерцание – только тишина.
Благодать оставляет в душе тишину,
наполняя ее Присутствием.
Душа только и внимает этой тишине.
Тишина полноты данного мгновения.
В тишине легкого сердца
Бог шепчет:
«Ждал я тебя!»

Тишина

11. Silence

Au delà des mots,
Au delà des sens
est le silence.
Vient un moment
où la contemplation n'est plus que silence.
Silence que la Grâce dépose dans l'âme
En l'inondant de la Présence.
L'âme ne peut plus qu'écouter ce silence.
Silence de la plénitude de l'instant présent.
Dans le silence du cœur léger
Dieu souffle :
« Je t'attendais ! »

12. Боюсь

Боюсь дерзнуть,
но еще больше боюсь
не дерзнуть,
дать жизни остыть,
не смея ничего предпринять,
заклочить существование
во внешние границы,
никогда не стремясь внутренне преодолеть самого себя,
не смея целиком себя подвергнуть сомнению,
не по безрассудству,
а в бдящем и веселом
сверхсознании скомороха,
который поет, пляшет, живет своей жизнью.
Прожить каждый миг в единении с вечностью,
не превращая его в замкнутое мгновение,
в плену у страха, сомнения, наслаждения.
Всецело открыться объятию
животворящего Огня,
преображающего тусклое существование
в Жизнь подлинную и щедрую.

Боюсь

12. J'ai peur

Si j'ai peur d'oser,
j'ai peur encore plus
de ne pas oser,
de tiédir ma vie
en n'osant rien entreprendre,
d'enfermer mon existence
à ses limites extérieures,
sans jamais chercher à me dépasser intérieurement,
sans oser me remettre en question tout entier,
non dans une inconscience folle,
mais dans l'hyperconscience
vigilante et amusée du baladin
qui chante, danse, vit sa vie.
Vivre l'instant relié à l'éternité,
ne plus en faire un moment clos,
enfermé par la crainte, le doute, le plaisir.
S'ouvrir tout entier à l'étreinte
du Feu vivifiant
qui transfigure une pâle existence
en Vie vécue et partagée.

13. Художник

Художник произведение оплодотворяет,
завершая то, что потенциально в нем содержится.

Он не предписывает внешнюю форму,
но смиренно откровению отдается.

Художник в одном порыве
соединяет небо и землю,

Творца и Его тварь,
время и вечность...

Он повинуетя законам сходным с теми,
которые вселенной управляют,
лишь сокращая время.

Искусство становится священным, благодарственным, литургическим,
оно художника связывает с Божьим Святым Духом.

Насыщается художник не творчеством,
а Присутствием, через него открывающимся.

Первая икона,
которую должен сотворить
перед Богом человек - он сам.

ХУДОЖНИК

13. Artiste

L'artiste féconde l'œuvre en parachevant
ce qui est potentiellement inscrit en elle.
Il n'impose pas une forme extérieure,
mais obéit humblement à la révélation.
L'artiste unit dans un seul mouvement
le ciel et la terre,
le Créateur et Sa création,
le temps et l'éternité...
Il obéit aux mêmes lois
que celles qui régissent l'univers,
il en réduit le temps.
L'art devient sacré, action de grâce, liturgique,
il relie l'artiste à l'Esprit-Saint de Dieu.
L'artiste n'est pas rassasié par l'œuvre
mais par la Présence qui se révèle à travers elle.
La première icône
que l'homme doit accomplir devant Dieu,
c'est lui-même.

Монах

14. Монах

Монах - не совершенство.

Напротив, он тот, кто признает себя грешным,
слезами измеряя то внутреннее расстояние,
что его отделяет от Бога.

Монах не от мира бежит,
иначе он бежал бы от самого себя.

В день полной свободы,
он завесу храма своей души приоткрывает,
и перед ним мелькает яркий Свет Фавора.

Этот отнюдь не мнимый огонь оставляет на нем отпечаток,
ностальгию, которую никакое мирское наслаждение не сможет утолить.

В ограде обители

монах не вне мира, а в средоточии мира;
вне времени,

он в вечном настоящем укореняется.

Он волен уйти, но добровольно остается,
волен спать, но бодрствует ради любви.

Он зрит без зрения, внемлет тишине.

Восхищенный Богом, он лишь стремится,
чтобы его тело стало живым вместилищем Духа Святого.

Аскеза, славословие, откровение помыслов -
средства для очищения самого себя.

При пострижении он дает три обета:
послушание, нищета, целомудрие.

14. Moine

Le moine n'est pas un parfait.
C'est, au contraire, celui qui se reconnaît pécheur,
qui mesure dans les larmes la distance intérieure
qui le sépare de Dieu.
Le moine ne fuit pas le monde,
sinon il se fuirait lui-même.
Un jour de grande liberté,
il entrouvre le voile du temple de son âme,
où il entrevoit l'éclat de la Lumière thaborique.
Cette brûlure qui n'a rien d'imaginaire lui laisse une empreinte,
une nostalgie qu'aucun plaisir du monde ne saurait combler.
Dans l'enceinte de son monastère
le moine n'est pas en dehors du monde mais dans le cœur du monde ;
hors du temps horizontal,
il s'enracine dans un éternel présent.
Libre de partir, il choisit de rester,
libre de dormir, il veille par amour,
il voit sans yeux, écoute le silence.
Ivre de Dieu, il n'a qu'un seul désir :
que son corps devienne le réceptacle vivant de l'Esprit-Saint.
L'ascèse, la louange, la révélation des pensées
sont les moyens qu'il utilise pour purifier son être.
L'obéissance, la pauvreté, la chasteté dans l'esprit
sont les trois vœux qu'il prononce à sa prise d'habit.

15. Светопись

Фотография - искусство:

она не сводится к внешнему облику.

Она способна запечатлеть то незримое трепетание,
которое прорывается из глубины творения.

Её светопись

улавливает вечные движения,

увековечивает повседневные жесты.

Она о гармоничности красоты свидетельствует,

выявляя за портретом благородство лика,

нежную прозрачность листьев...

Изображение объективно передаёт обнаженную реальность.

Фотография может уловить энергию дыхания,

до его превращения в движение,

мощь скрытого взора в глазах,

схватив его в самих истоках сердца.

Быть не зрителем, а зрящим,

не делать снимки,

а принимать предстающие перед нами фотографии

в тройственном соработничестве:

он, я и Дух.

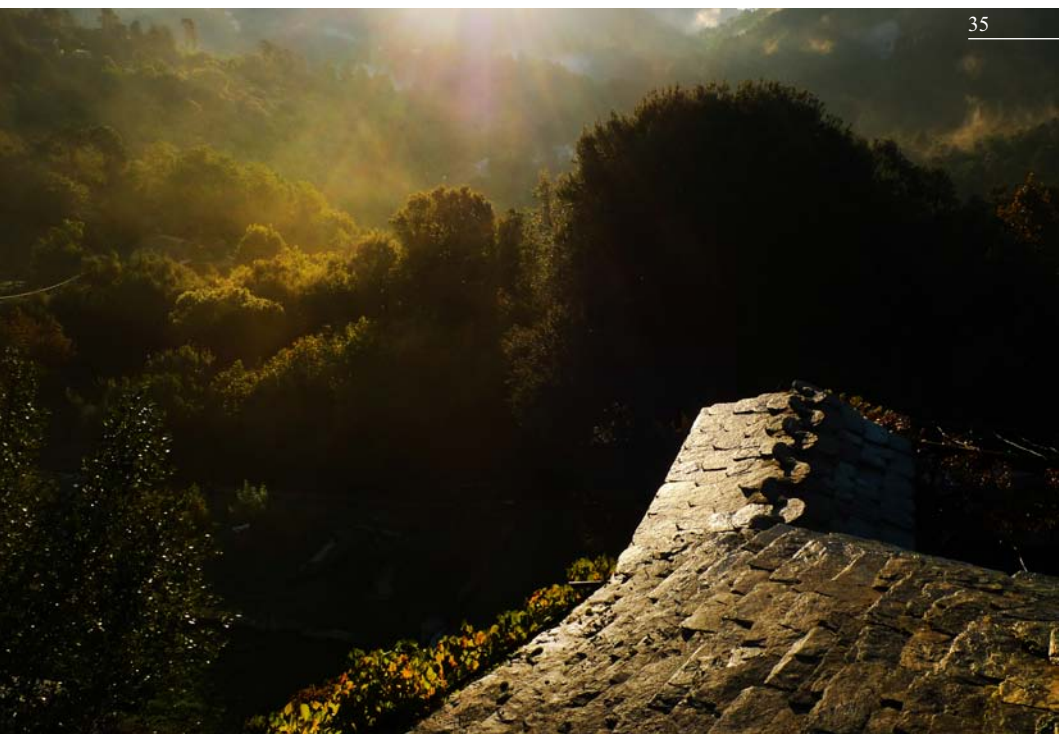
СВЕТОПИСЬ

15. Écriture de lumière

La photographie est un art
qu'il ne faut pas limiter à l'apparence,
elle peut saisir le tressaillement invisible
qui jaillit des profondeurs de la création.
Par une écriture de lumière,
elle surprend des mouvements éternels,
immortalise des gestes quotidiens.
Elle témoigne de l'harmonie de la beauté,
révèle la noblesse d'un visage derrière le portrait,
la transparence délicate d'une feuille...
L'image montre objectivement la réalité dépouillée.
La photographie sait capter l'énergie du souffle,
avant son jaillissement dans le mouvement,
la puissance du regard derrière les yeux,
en le surprenant à son origine dans le cœur.

Non pas voyeur, mais voyant,
non pas prendre des photographies
mais recevoir des photographies
dans une complicité à trois :
lui, moi et l'Esprit.

16. Прежде век Аз есмь

Наше тело – кожаные ризы сношенные,
в страстном мире материальном
остается во власти иллюзий.
Открываясь девственности души,
оно плывет в разноцветном пространстве
с ангелами танцующими и поющими
в бесконечных возобновлениях.
Предаваясь Духу,
оно вновь восхищается
простой полнотой мгновения.
В неизменной чистоте абсолюта,
возрождается естество человека.
Тело всецело становится взором.

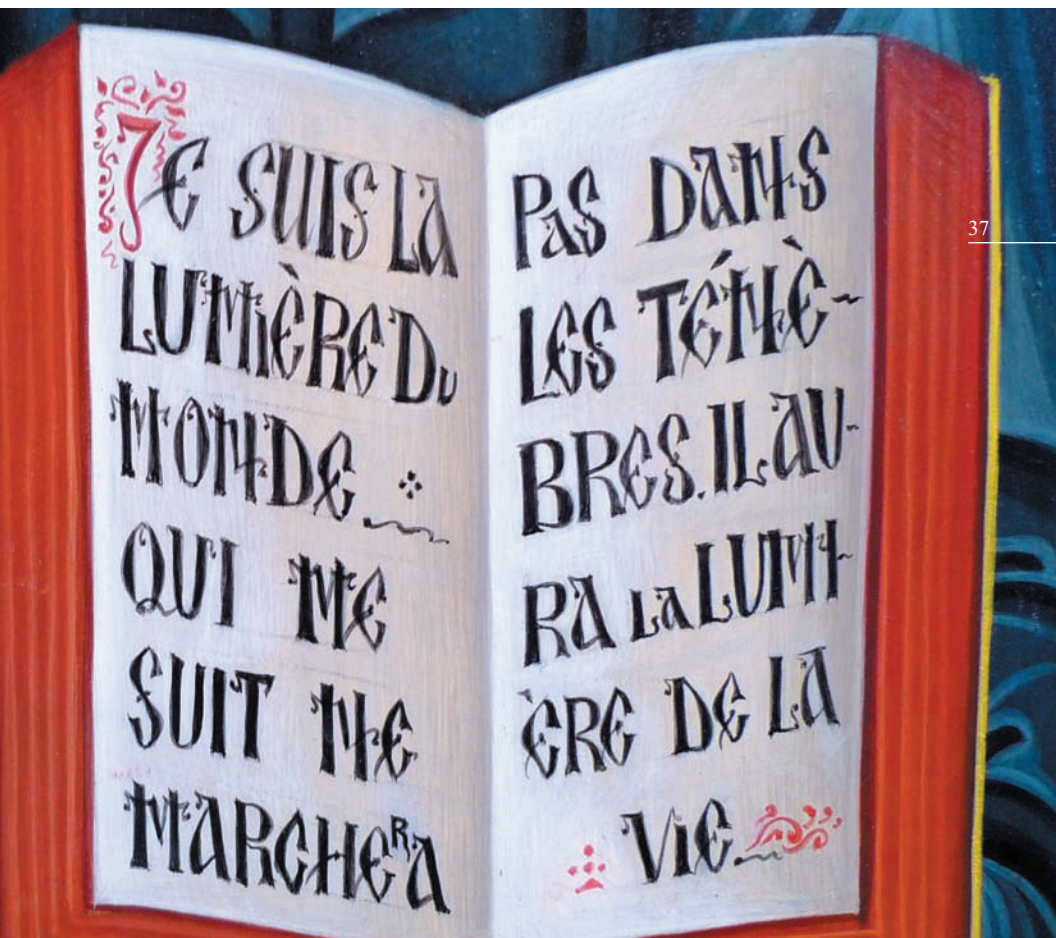
Прежде

16. Avant le temps, Je suis

Le corps est l'habit de peau qui s'use.
Si le corps s'attache à la boulimie de la matière,
Il demeure accroché dans l'abîme de l'illusion.
S'il s'ouvre à l'innocence de l'âme,
il flotte dans l'infini coloré des anges qui dansent,
chantent dans d'éternels recommencements.
S'il se donne à l'Esprit,
il redécouvre l'émerveillement
De l'unité simple de l'instant
qui restaure l'homme
dans l'immuable pureté de l'absolu.
Le corps tout entier devient regard.

ВЕК АЗ ЕСМЬ

17. Красота

Красота превосходит суть вещей,
она согласование частей в гармонии с единым,
в союзе с трансцендентным.
Она – совершенное воплощение, дочь истины,
рожденная внутри, явленная во вне.
Чрез очищение сердца возводит не к душе, но к духу.
За множественностью элементов
она стремится к симфоническому единству сущности.
В основе красоты - гармония, а не эстетика,
универсальность, а не феномен,
простота, а не чудесное,
незыблемое, а не эфемерное.
Она не является прекрасной только временно или частично.
Всеобща, целостна, духовна и бессмертна красота.
Без принуждения производит состояние благодати
в душе того, кто ей открыт!
Свободна в самовыражении, определяет форму красота.
Не терпит доказательств, она очевидна,
и в разности она пытается найти единство.
Ведет к аскезе истинная красота, -
к очищению, смирению, простоте в том, кто ее рождает.
Красота запечатлевается в сердце печатью Самой Жизни,
очищая жесты, взгляды:
они становятся источником свеченья.

Красота

17. Beauté

La beauté n'est pas réduite seulement au sens,
elle est le juste agencement des parties
en harmonie avec le Tout et en union avec le Transcendant.
La beauté est fille du vrai,
elle exprime parfaitement ce qu'elle est,
elle se façonne de l'intérieur pour s'épanouir sur l'extérieur.
Elle purifie le cœur en ne conduisant pas au sensible mais au sublime.
La beauté recherche l'unité symphonique de l'être
à travers la multiplicité des éléments.
Elle se fonde sur l'harmonie et non pas sur l'esthétique,
sur l'universalité et non pas sur le phénomène,
sur le simple et non pas sur le merveilleux,
sur l'immuable et non pas sur la facticité de l'éphémère.
La beauté n'est pas belle un temps ou d'un côté,
elle est globale, universelle, immortelle, spirituelle.
Elle n'affirme pas, mais elle suscite un état de grâce
dans le cœur de celui qui s'ouvre pour l'accueillir.
Elle jaillit d'une expression libre, car la beauté précède la forme.
Elle n'a pas besoin de preuve, elle est une évidence,
elle recherche l'unité à travers la diversité.
La véritable beauté conduit à l'ascèse
qui suscite un désir de purification, d'humilité, de simplicité
dans celui qui l'engendre.
La beauté se grave dans le cœur en purifiant les gestes,
les regards, jusqu'à y laisser l'empreinte personnifiée de la Vie
qui habite alors dans le mouvement, le rendant radieux.

18. Жено, се Сын Твой

Мария, Матерь Бога
– какое упоительное имя –
девственно родившая Творца,
согласием своим основы мироздания сотрясая,
и Слову Божию рождение даруя!
Сын Божий
также Сыном человека стал.
А девство чистейшею утробой материнской,
где слово облеклось во плоть,
а плоть приняла дух!
Небесная Царица, Мария Непорочная,
«Воплотившимся от Тебя
ад попрося,
Адам воззвася,
клятва потребися,
Ева свободися,
Смерть умертвися
и мы ожихом!»
Мария, Дева, Мать, Жена
– человечества прообраз!
В молитвенном предстательстве пред Богом
Жизнь принимает,
неизменно носит
и щедро раздает.

Жено,
се Сын

18. Femme, voici ton fils

Marie, mère de Dieu,
— quelle phrase enivrante —
enfante virginalement son propre Créateur.
Son « oui » a bouleversé le monde
en donnant naissance au Verbe de Dieu.
Le Fils de Dieu
devient aussi le Fils de l'homme.
La virginité est une matrice toute pure
où le Verbe prend chair,
où la chair reçoit l'Esprit.
Marie, immaculée, Reine du ciel,
« par l'Incarné de toi
l'enfer est capturé,
Adam rappelé,
la malédiction anéantie,
Eve libérée, la mort tuée,
et notre race vivifiée »
(Laudes de dimanche).
Marie, Femme, Vierge et Mère,
archétype de toute l'humanité,
dans un geste d'orante
accueille et répand la vie
qu'immuablement elle porte.

ТВОЙ

19. Бег Времени

Всему свое время под солнцем.
Смерть семени – начало ростка и сочного плода.
Искать бесполезно зимой
того, чем лета украшен венец.
Прежде цветка не бывает плода,
всему есть момент подходящий.
Все изменяется и все проходит,
лишь ожидает конца времен,
Жизни древо посреди Рая.

Бег Времени

19. Vol du temps

Il y a un temps pour chaque chose sous le soleil.

La graine doit mourir et croître
avant de donner le fruit mûr.

Ne cherchons pas en hiver le fruit
qui arrive naturellement à maturité en été.

Les fruits n'apparaissent jamais avant les fleurs,
sachons les cueillir le moment venu !

Tout se transforme, tout passe,
l'arbre de Vie attend la fin des temps
au milieu du Jardin.

20. Царствие Божие внутри нас есть

Мы можем Бога созерцать!
И видим в сердце образ красоты неизреченной,
оставленный нам Богом.

Как печати отгиск в горячем сургуче,
так отраженье полноты Божественной
на плоти человека.

Сиянье первозданное тускнеет нашим отпадением.

Но как вода смывает с лика на иконе
копоть ладана и дым лампад,
так слезы и огонь раскаянья способны возвращать
прозрачность первозданной красоты Адама.

Как образ Божий в нас неугасим,
так светится он в каждом нашем взгляде.

Не нужно больше света ламп,
светлеет ночь сияньем наших глаз.

Царствие Божие

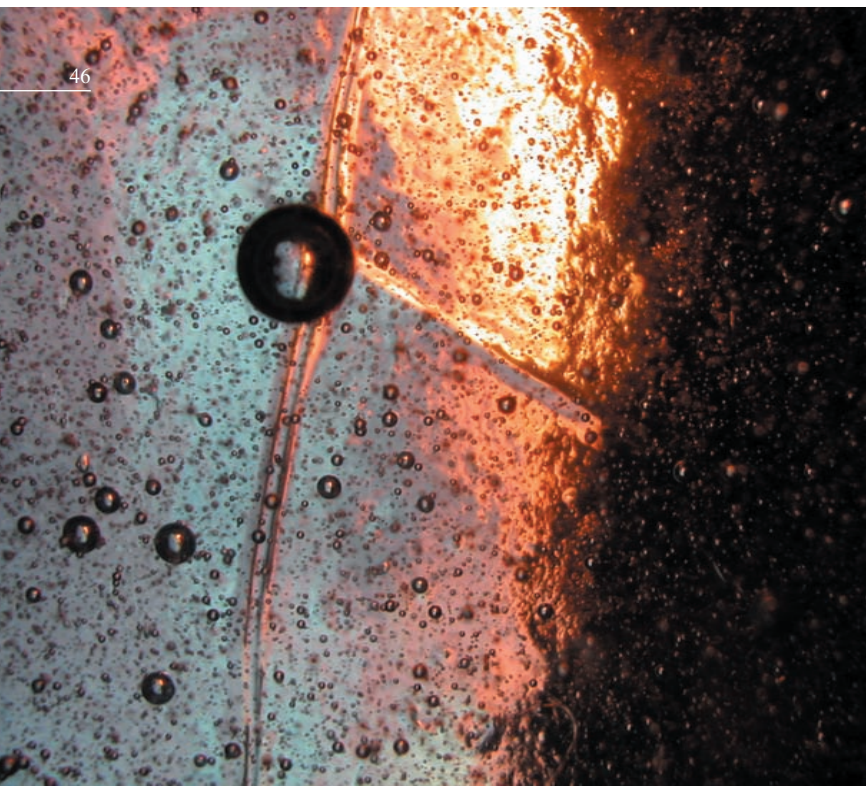
20. Le Royaume de Dieu est en nous

Nous voyons dans notre cœur
l'image de la Beauté divine.
Il y a en nous la capacité à contempler Dieu.
Dieu, en se retirant, a déposé dans notre chair
l'image de sa plénitude,
comme l'empreinte d'un sceau dans la cire chaude.
Mais notre déviance a noirci la splendeur de l'image.
Comme l'eau purifie l'icône
de la vapeur de l'encens et de la fumée des lampes à huile,
les larmes d'eau et de feu du repentir
restaurent la transparence de la beauté adamique.
L'Image divine brille en nous,
embellissant chacun de nos regards :
nous n'éclairons plus la nuit avec une lampe
mais par la lumière de nos yeux.

21. Между Единственным и первым

Величие звездного неба
вселяет страх бесконечности.
Что будет потом, после конца?
Наш взгляд спускается с неба на землю,
встречаем яблоню, несущую множество яблок.
Первое яблоко дало рождение всем остальным,
однако не так, чтобы это множество стало безмерным.
Безмерность не исчерпывает бесконечность!
Бесконечность не в изобилии,
не в безмерной дали,
но в глубине сердечной.
Множеству не объять единственного,
которое, не истощаясь, просвещает бесконечность.
Для нас единство много шире, чем все множества.
Вечность – бездонная глубина –
превосходит долготу времени:
прошлое, настоящее, будущее...
Бог безмерно превосходит бесконечность.

21. Entre l'Unique et le premier

Face à l'immensité d'une nuit étoilée,
la peur de l'infini nous envahit.
Qu'y a-t-il après la fin ?
Nos yeux s'abaissent vers la prairie,
se posent sur un pommier chargé de fruits :
d'une première pomme est née une multitude de pommes
sans pour autant que nous soyons envahis
par une infinité de pommes.
L'infinité ne résout pas l'infini !
Nous devons chercher l'infini
non pas dans la profusion,
non pas dans un infini lointain
mais dans la profondeur du cœur.
Jamais le multiple n'atteindra l'un,
alors que l'unique irradie dans l'infini sans s'épuiser.
Nous pressentons une unité plus vaste que toutes les multiplicités!
L'éternité ne se mesure pas dans un temps élastique :
passé, présent, futur...mais dans une profondeur sans fond.
Dieu est infiniment au-delà de l'infini.

Между Единственным
и первым

22. Сердечная молитва

Молитву не выучивают, она переживается. Ни техника, ни формула не действуют пред Богом. Те, кто старается стяжать Святого Духа посредством заклинаний тайных и странных поз впадают в суеверие.

Молитва – предстояние пред Богом, интимное свидание и безрассудная любовь, биенье сердца в унисон с Любимым.

И дух, и тело, и душа живут одновременно. Единство это уникально и неповторимо, спонтанно, рождает Мир и Радость...

Движение каждое исполнено любовью, происходящей от молитвы.

Насыщено дыханье Присутствием, невинность озаряет взор, и каждый жест дает ответ мгновенью.

Молитва – живительная капля света, озаряющая чувства, преображающая бытие.

И мысли, и желанья, и тела открываются неизменной Реальности.

Смирненное стоянье, без усилий напряженье, произнесенье слов простых – по этим признакам узнаете творящего молитву в тайне сердца Живому Богу.

Сердечная

22. Prière du cœur

La prière ne s'apprend pas, elle se vit simplement.
Il n'y a pas de technique, de formule devant Dieu.
Ceux qui prétendent enfermer l'Esprit-Saint
dans des mots secrets ou des postures compliquées
tombent dans la superstition.

La prière est l'état de celui qui se trouve devant Dieu,
elle est un face-à-face intime, un amour fou,
un cœur qui résonne à l'unisson avec le cœur du Bien-Aimé.
Etat signifie la participation totale de l'être :
corps, âme, esprit.

Cette union plénière ne se répète jamais,
elle est unique, spontanée, elle engendre la Joie, la Paix...

Chaque geste se place spontanément
dans l'Amour qu'engendre la prière :

la Présence imprègne le souffle,
le regard se colore d'innocence,
le geste juste répond à l'instant.

La prière est une goutte de lumière vivante
qui féconde les sens et transfigure toute l'existence.

Les pensées, les désirs, les corps
s'ouvrent à la Réalité immuable.

La position sobre dans une tension sans effort,
la manducation de paroles simples
expriment l'état de celui qui prie dans le secret de son cœur
le Christ vivant.

23. От образа к подобию

Творение прекрасно!
Оно предвечно существует
в замысле Творца.
В бездонной глубине
единство Божества дает начало
множеству созданий,
хранящих связь с Началом.
Грехопадением, Творение Божье
лишается блаженного сыновства.
Вот пропасть!
Умножение превращается в разделение.
Творенье, обретая свободу своеволия,
противовосстает Творцу.
Цикличность времени и смерть
сменяют вечность.
Проникнув в сердце тайными путями,
Лукавый враг принес смятенье
«Собой не будешь ты,
но будешь ты как
Бог!»

От
образа

23. De l'image à la ressemblance

La création est bonne,
elle préexiste en silence
dans la pensée de Dieu.
L'unité divine se multiplie dans l'abîme sans fond
par procession,
sans perdre sa relation avec son Principe.
Mais le visible de Dieu
se déracine de sa filiation par la chute.
Il crée un fossé.
La multiplication devient division.
La créature, découvrant la liberté
de ses propres mouvements,
se retourne en rebelle
contre son origine divine.
Là où règne l'éternité est apparu le temps
avec les cycles, la mort.
Le Tentateur
se glisse dans les fissures de l'âme
pour y placer la confusion
d'un deuxième centre :
« Tu seras comme Dieu »
et non plus « comme toi-même ».

К
ПОДОБИЮ

24. Сын

Сын Света Ты!
Не света тварного,
отблеска туманного Огня безмерного,
но Света не созданного,
без тени, сияющего и неизменного.

Сын Света Ты!
в Духе рожденный,
во плоти явленный:
и ни смешения в Тебе, ни разделения.

Сын Света Ты!
Единосущен Ты Отцу Небесному
и Матери Земной.

24. Fils

De la Lumière,
Tu es le Fils.
Pas de la lumière créée,
pâle reflet du Feu immense,
mais de la Lumière Incrée, sans ombre,
qui brille sans se consumer.
Tu es le Fils de la Lumière,
engendré dans l'Esprit
et incarné dans la chair,
sans confusion, ni division.
Tu es Fils de la Lumière.
De même nature incréée
que le Père Céleste,
de même nature créée
que la Mère Terrestre.

СЫН

25. Существую

Кто с небреженьем отвергает значенье тела
для преображенья,
подобен летчику,
решившему без парашюта выпрыгнуть из самолета,
чтоб поскорей достигнуть землю.
Когда исихаст затворяется
в келье своей телесности,
он отверзает свои душевные чувства.
Он сосредоточивается
уже ни на своих мыслях,
ни на желании совершенства,
ни на созерцанье красоты и блага.
Лишь горячая молитва
его соединяет с тишиной неизреченной,
приходящей в сердце.
Ум мудреца
в покое безмятежном,
но его сердце бдит.
Приходит Дух,
оживает таинственную встречу.
и Бог приемлет жертву всеосоженья.

25. Je suis

Celui qui nie son corps
comme outil de transfiguration
ressemble à un pilote
qui saute de l'avion sans parachute
pour rejoindre la terre.
Quand l'hésychaste ferme les portes
de la cellule de son corps,
il ouvre les sens de l'âme.
Il se concentre
non dans la méditation de ses pensées,
non dans l'appréciation du beau, du bien,
non dans un désir de perfection
mais dans une prière ardente
qui l'unit au silence indicible
qui repose en lui.
Quand l'esprit du sage
nage dans la quiétude,
son cœur veille.
Dans ce cœur à cœur
le souffle anime la rencontre,
l'offrande qu'il offre à Dieu
C'est lui-même.

Прекрасное или красивое

26. Прекрасное или красивое

Плод познания желанен, приятен на вид и на вкус,
лишь существо искаженное прельщается безобразным
и скверным.

Лукавый демон повод дает для соблазна,
и предлагает немощи все оправдать человеку,
выбор свой сделать между Прекрасным
и красотой эфемерной,
между гармонией и эстетством.

Выбор свершен не красотой,
а устремленным к ней взором.

Может быть дьявол – хранитель плода во Едеме,
поставленный для испытания тех, кто хочет им обладать?

Движимый тщетно славой,
человек восхотел обладать оболочкой плода.

Если б то был просто плод,
смог бы ли он насладиться его поеданьем?

Достигнуть познания можно лишь после вкушения опыта плода.
Тому, кто достойным себя показал и готовым, это дается от Духа,
Так как Подобие ищет подобных.

26. Beau et beau

Le fruit de la connaissance est beau à voir, bon à manger,
seul un être pervers peut être tenté par le laid et le mauvais.
D'où la malice du démon de séduire l'homme
en lui permettant de justifier ses propres faiblesses
et en lui offrant le choix entre le Beau et une beauté éphémère,
entre l'harmonie et l'esthétique.
Ce qui distingue le choix,
ce n'est pas la beauté
mais le regard que l'on porte sur celle-ci.
Satan, dans le cœur de l'Eden, serait-il le gardien du fruit ?
Met-il à l'épreuve celui qui veut s'en emparer ?
L'homme a voulu conquérir de l'extérieur le fruit,
animé par la vanité.
Aurait-il pu manger le Fruit s'il était devenu fruit ?
Personne ne peut intégrer le fruit de la connaissance
sans avoir acquis au préalable les fruits de l'expérience.
L'Esprit donne le fruit à celui qui s'en montre digne.
Il le donne à celui qui se prédispose à le recevoir,
car le semblable suscite le semblable.

27. Безмолвное пение

Каждое древо вписано в зеленую книгу жизни,
И дуб королевский,
и акация - древнейший воитель.
Тень липы располагает к общению,
Орешник дает прохладу.
Округлый каштан – многодетная мать.
Множество оттенков зеленого
сливаются в гармонию пейзажа.
Темно- и светло-зеленые,
Зеленый умеренный, мягкий,
серый почти, или почти голубой, серебристый, с золотым
и медным отливом...
Если бы из каждого цвета истекла звуковая волна,
какую симфонию чудную исполнило бы для нас творение!
Но может деревья славят так Господа,
а мы остаемся глухи к их восхвалению?

27. Chant du silence

Chaque arbre s'inscrit dans une colonie végétale :
le chêne se montre royal,
l'acacia envahisseur archaïque,
le tilleul offre une ombre sociale,
le noyer une ombre froide,
le châtaignier s'arrondit comme une mère généreuse.
Une infinité de verts participent à la peinture du paysage :
vert foncé, pâle, moyen, doux, presque gris, presque bleu,
argenté, ocré, rougeâtre, jaunâtre...
Si de chaque couleur émanait une onde sonore,
quelle belle symphonie nous offrirait la création !
Mais peut-être que les arbres louent le Seigneur
et que nous sommes sourds ?

Безмолвное пение

28. В Боге человек вновь обретает свой образ

Во образ Творца создан человек,
подобия Божия
он должен достичь прежде конца земного пути.
Жажда воды и огня
исходит из недр человека,
Воплощаясь в живых творениях его рук.
Восторг входит в сердце,
струится по жилам,
и вновь человек исполняет таинственный танец,
ему открывающий неба брачный чертог.
И Бог, проникая в святилище сердца,
оплодотворяет его желанием Дыханием жизни.
Едино и живо все естество человека!
Он в Боге находит
свой собственный образ,
Во всей полноте первоизданной.

В Боге
человек
вновь
обретает
свой
образ

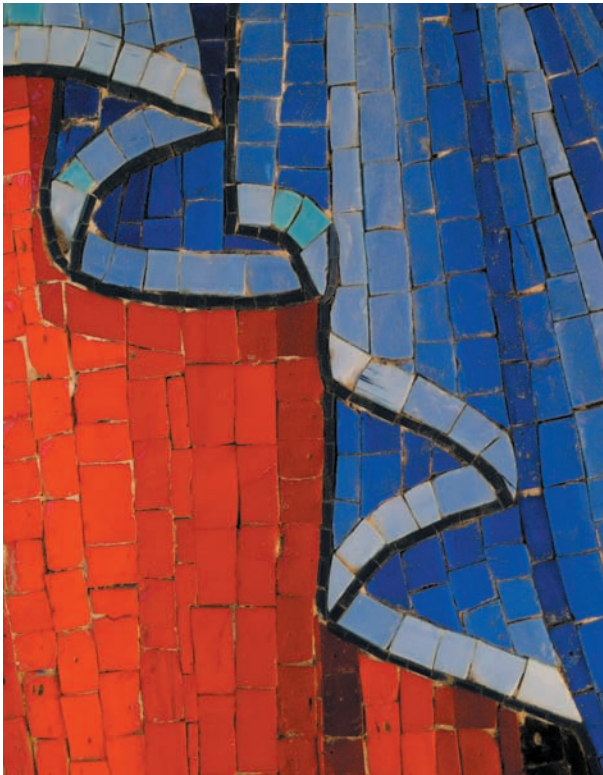
28. L'homme retrouve son image en Dieu

L'homme, créé à l'image de Dieu,
doit parvenir durant le temps de son existence
à Sa ressemblance.

Un désir d'eau et de feu
s'élève des entrailles de l'homme
et s'incarne dans la matrice de ses œuvres
pour revenir habiter son cœur,
l'inondant d'une joie qui irrigue
toutes ses veines.

L'homme recommence avec fidélité
cette danse nuptiale,
jusqu'au jour où Dieu,
pénétrant l'alcôve de son cœur,
féconde son désir d'un Souffle de vie.
L'homme devient un être vivant !

Il découvre en Dieu
sa propre image,
celle de l'homme restauré
dans son intégrité.

29. Echelle sainte

Pas plus vite,
pas plus haut,
pas plus loin,
lentement.
Fais-toi
léger, fragile,
humble, doux.
Pas audacieux,
pas astucieux,
pas ambitieux,
plus simple.
Pour monter une échelle,
il faut escalader un échelon à la fois,
une main sur chaque colonne,
un pied après l'autre sur chaque barreau.
L'échelle ne fait pas l'escalade à notre place.
Il faut la poser sur un sol stable,
l'appuyer sur une branche solide,
avec la pente la plus douce.
La chute est si rapide !

29. Святая лестница

Прошу не так быстро!
Прошу не так высоко!
Не так далеко! Тише!
Стань легче, стань хрупким,
Смиренным и кротким!
Не дерзким и хитрым,
Не самонадеянным,
но простым !
Восходя на лестницу, крепко держись руками,
твёрдо опирайся на каждую ступень.
Шаг за шагом!
Ведь лестница – это еще не само восхождение!
Используй основание надежное,
И прочные опоры.
Да не будет крутым твой подъем
Ведь падение так вероятно!

30. Познай себя

Желудь – потенция,
дуб – завершенная реальность.
В силе ростка – образ могучего дерева,
а разрастается само дерево.
Нет в этом абстракции или намека,
есть лишь переход от инертности к жизни.

30. Connais-toi

Le gland est une potentialité,
le chêne, une réalité accomplie.
Le germe est une image en puissance,
tandis que l'arbre est un déploiement en acte.
Il n'y a pas ici de représentation abstraite
mais le passage de l'inerte à la vie.

Познай себя

Присутствие

31. Присутствие

Что есть произведение искусства?

– Слияние материи и духа!

Само произведение не абстракция,
а конкретное утверждение всеобщего единства,
гармоничное осуществление целого.

Опасная ошибка полагать в основу творчества
эстетическое достижение.

Художник ничего не добавляет от себя, он завершает
замысел Творца.

Шедевр – видимое тайной веры проявление:
его ценность определяется лишь глубиной замысла.

Он истинен, когда вызывает в сердце
возвышенное чувство и трепет, явные признаки встречи!

Движению художника сопутствуют:

или присутствие героя, утверждающего идеал,

или потребность сердца – движущая сила,

или освящающее Присутствие Духа –

неизменной простоты откровение!

Человек тварь творящая.

31. Présence

Qu'est-ce que qu'une œuvre ?

C'est la réconciliation de l'esprit et de la matière.

La représentation d'une œuvre d'art n'est pas abstraite,

elle est l'affirmation de l'unité globale,

la concrétisation de l'agencement du tout

qui s'épanouit en harmonie dans l'œuvre.

Le danger est de croire que la performance, l'esthétique
suffisent à justifier une oeuvre.

L'artiste n'ajoute rien à la matière, il parachève la création.

L'oeuvre est l'incarnation visible d'une foi secrète,

elle n'a pas une valeur mais une profondeur.

Une oeuvre est vraie quand elle suscite dans le coeur

de celui qui la contemple un sentiment sublime,

un tressaillement, signe d'une rencontre.

Le geste est visité par une présence :

soit d'un héros qui affirme l'idéal humain avec ses valeurs,

soit de l'artiste soumis à ses nécessités intérieures,

soit de la Présence sanctifiante de l'Esprit

qui révèle la simplicité immuable.

L'homme est une créature créante.

32. Древо креста

На коленях в каменистом саду агонии:

«Воля Твоя, а не моя».

Один перед всеми, напряженный, открытый всему миру
в ночной темноте, Иисус до дна пьет чашу слез своих,
до опьянения своей утробы любовью.

В трапезной, привязанный к колу своими палачами,
выставляющими Его напоказ,

обнаженный, униженный ударами, плевками,
на глазах оборванцев, смеющихся над этим поруганием!

Они Сына Человеческого наряжают в короля шутов,
забавляются его судорогами от непрерывных ударов бича,
наслаждаются его глухими жалобными стонами.

Продвигаясь, согбенный под тяжестью креста,
раздирающего его окровавленную спину,

Он падает, встает, падает вновь и встает.

К вершине Голгофы поднимается Древо Жизни.

Лишенный покрова плоти, Он свою душу приносит в жертву,
выставленный напоказ толпе, смеющейся над этим зрелищем:

«Он нарекает себя Царем».

Притиснутый к дереву креста,

который раздирает с треском его тело.

Воздвигнутый, распятый, с четырьмя железными гвоздями

в своей плоти,

Он пьет уксус, дарит свою кровь, испускает

громкий глас, освобождающий Его:

«В руки Твои предаю дух мой».

Светозарная тьма великой Пасхи.

Древо креста

32. Bois de la croix

À genoux sur le roc du jardin de l'agonie :
« Que ta volonté soit faite et non la mienne. »
Tendu, seul face à tous, ouvert dans la nuit obscure,
Jésus boit la coupe de ses larmes jusqu'à la lie,
Il enivre ses entrailles d'amour.
Attaché au pieu dans le cénacle par ses bourreaux
pour le donner en spectacle,
nu, humilié par des coups, des crachats,
offert aux regards des gueux qui rient de leurs insultes.
Ils déguisent le fils de l'Homme en roi de carnaval,
s'amuse de ses ondulations sous les coups de fouet répétés,
dégustent avec plaisir ses plaintes étouffées.
Rampant sous le poids de la croix
qui laboure son dos ensanglanté,
Il tombe, se relève, retombe, se relève encore.
L'arbre de Vie remonte au sommet du Golgotha.
Dépouillé de son habit de peau pour offrir son âme,
exposé, exhibé à la foule qui rit du spectacle : « Il se dit roi. »
Couché avec autorité sur le bois de la croix
qui écartèle chacun des ses membres jusqu'à les faire craquer.
Dressé, crucifié, avec des clous de fer dans sa chair,
Il boit le vinaigre, donne son sang,
pousse un grand cri qui le libère :
« Entre Tes mains je remets mon esprit. »
Ténèbres lumineuses du grand passage de la Pâque.

33. Le Tout Autre

Ce n'est pas ton œil
qui peut voir Dieu car Il est L'invisible Tout Autre.
Ce n'est pas ton oreille
qui peut entendre Dieu car Il est ineffable.
Ce ne sont pas tes mains
qui peuvent Le saisir, Il est sans forme.
Immense, Il se laisse contenir
par un cœur humble et droit.
Si l'âme pacifiée accueille le Souffle de Vie,
elle ne pourra jamais Le retenir.
N'enfermons pas la Présence.
La Trinité consubstantielle et indivisible
se multiplie dans des terres vierges
sans jamais se diviser, ni se figer.
Aucune vérité
ne pourra la cristalliser.

33. Бог - Тот абсолютно Иной

Не увидеть оком Невидимого Бога,
слухом не услышать Бога Несказанного.
Руками осязать невозможно,
Того, Кто формы не имеет.
Безмерный познается
лишь кротким и правым сердцем.
Душа смиренная
Дыханье Жизни принимает,
но она не в силах ни удержать,
ни скрыть Сущего.
Троица единая и нераздельная
умножается в девственной почве,
оставаясь нераздельной и вечно живой,
премудрости земной
недоступной и неподвластной.

34. Быть или казаться

Нам надо отказаться от иллюзии –
речь не вмещает мысль!
Звучанье подлинней, нежели само значение слова.
Смысл возникает после речи.
Звук его привносит и оживляет:
в своей прерывистости звук хранит печать эмоций,
неопределенности, желаний,
намёков, ритмов, мощности, вибраций...
Они дают почувствовать движение духа!
Празднословие – иллюзия взаимопонимания,
передает лишь условленный смысл понятий.
Подлинное выражение опирается на опыт,
целиком пережитый и проверенный воплощением.
Когда строго не следуют правилам языка,
знания превращаются в идеи.
Элита, просвещенная наукой, облеченная
в предельное господство,
смысл слова отделяет от духовного истока,
низводит к холоду рассудка,
присваивает имя несбывшемуся творенью.

Кто постигает великое пространство тишины,
из глубины его взывая к Богу,
оплодотворяется животворящей силой Слова.

34. Être ou paraître

Il faut désapprendre l'illusion
qui considère le langage comme la traduction juste de la pensée.
Le son exprime souvent mieux l'authenticité que le sens du mot.
Le sens n'apparaît qu'à la fin des mots.
Il se laisse porter et animer par le son
qui lui-même est imprégné dans ses interstices
par des émotions, désirs,
opacités, allusions, rythmes, vibrations, puissances...
qui eux-mêmes s'impriment dans la mouvance du souffle.
Le bavardage nous donne l'illusion de la clarté
alors qu'il n'est que l'expression d'une signification convenue.
L'expression véritable s'appuie sur l'expérience
globalement vécue et vérifiée par l'incarnation.
Lorsque les exigences de la langue se dégradent
la connaissance se métamorphose en idée.
Le public éclairé règne en maître,
il dissocie le sens du mot de son origine spirituelle
pour le réduire à une pensée froide.
Il impose la marque de son nom sans engendrer d'oeuvre.
Celui qui ouvre un espace de silence
dans la profondeur de son cri
se laisse féconder par la puissance vivifiante du Verbe.

БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ

35. Почему? Как?

Юный сын мегаполиса, влекомый духовной экологией
засыпает градом вопросов Старца при встрече.

Он вопрошает:

«Как огонь удержать в бранных ладонях?

Как с сердцем из камня открыться Присутствию?

Как восставать, погружаясь в бездну?

Как приобщаться Духу?

Как возрастать, сокрушаясь страстями?»

Старец сосредоточенным кажется в тайной молитве,

ему отвечает радостным шепотом:

«Молчанье питает, слова утешают!»

35. Pourquoi ? Comment ?

75

Le jeune citadin fêru d'écologie spirituelle
rencontre l'Ancien.

Il lui demande dans une explosion de questions :

« Comment tenir le feu avec des doigts de terre ?

Comment recevoir la Présence avec un cœur de pierre ?

Comment s'élever en s'enfonçant dans l'abîme ?

Comment communier avec le Souffle ?

Comment évoluer quand toutes nos passions nous font tomber ? »

L'Ancien semble se recueillir dans une prière secrète,

puis dans un murmure amusé lui répond :

« Le silence nourrit, la parole rassure ! »

Почему?
Как?

Созерцание

36. Созерцание

Природу не надо осмыслять,
а только созерцать.
Осмысление природы – признак слабости зрения.
Думать, что в форме жизнь содержится
дает власть иллюзии.
Один из великих наших богатств
приобщенность к целому.
В таинстве человек обретает себя,
его душа достаточно широка,
чтобы в одном порыве небо и землю воссоединить.
Мы не частица целого,
а тождественны целому
в зарождающейся совокупности.
Неизреченная Мудрость аналогично являет себя
в наших преходящих истинах.
В течение нашего житейского
паломничества,
останемся восхищенными
величием простого !

36. Contemplation

Nous n'avons pas à penser la nature,
nous avons à la contempler.
Penser la nature, c'est être malade des yeux.
Croire que la vie peut être enfermée dans la forme
donne le pouvoir à l'illusion.
Une de nos plus grandes richesses
est de communier.
L'homme se découvre sacramentel,
son cœur est assez grand pour unir
dans un seul mouvement le ciel et la terre.
Nous ne sommes pas une parcelle du tout
mais identiques au tout
dans une globalité en germe.
La sagesse indicible se révèle par analogie
dans nos vérités éphémères.
Durant le pèlerinage
de notre existence,
restons émerveillés par la majesté du simple !

37. Sois le Jardinier de mon cœur

Les ronces, sur le bord du chemin, servent de barrières naturelles.
Leurs épines, l'acidité de leur venin
empêchent les prédateurs de les traverser.
Limaces, escargots, lapins, taupes...
arrivent difficilement à franchir ce barbelé végétal.
S'il n'y a pas de jardinier, les ronces
envahissent les champs, stérilisant le sol.
« Seigneur, comme je suis le jardinier de Ta création,
sois le Jardinier de mon cœur »,
demande l'Ancien au Christ.

37. Будь Садовником моего сердца

Терновые кусты по краю пути – естественный барьер.
Их шипы, едкость яда – преграда хищникам.
Слизняки, улитки, кролики, кроты...
едва пробираются через эту растительную «колочую
провода».
Не будь садовника – и терние заполнит поля, бесплодием
грозя земле.
«Ты создал меня, Господи, садовником творения Твоего,
стань, Ты, Садовником моего сердца»,
просит Христа Старец.

Будь
Садовником
моего
сердца

38. В день грозы

Выстоять нужно в тяжелой борьбе древу до сбора плодов!
Засухи тягость, удары мороза и града,
порыв урагана и дождь проливной
смертью грозят нежным цветам.
Мягкость зимы содействует росту червей под корой,
зимняя стужа морозит корни под затвердевшей землей.
Лишь только фрукты созреют,
тут же являются лисы и черви, муравьи, слизняки,
коварные птицы,
и пожирают спелую мякоть плодов.
В начале – буйство стихии,
в конце – хищники,
но кто знает, может быть древу и нужно того,
чтобы хищник пожрал его плод, новое семя посеяв...

В день грозы

38. Jour d'orage

Avant la récolte, l'arbre doit affronter bien des dangers :
une sécheresse excessive, un coup de gel,
de grêle, un vent violent
ou une pluie incessante... peuvent détruire les fleurs.
Un hiver trop doux développe une infinité de parasites
sous l'écorce,
un hiver trop rigoureux gèle les racines sous la terre durcie.
Dès que les fruits deviennent mûrs,
les renards, les vers, les fourmis, les limaces,
les oiseaux voraces...
surgissent, rongent les fruits mûrs.
D'abord les éléments se déchainent,
ensuite, avec les fruits, arrivent les prédateurs.
Mais l'arbre peut tirer parti des prédateurs
en laissant manger ses fruits pour disséminer ses graines...

39. Традиции и обычаи

Величие пальм в оазисе Фаран,
напоминает колонны и своды романских церквей.

Если садовник пальмы в Севеннах сажает,
они погибают от холода в первую зиму.

Садовник любит каштаны, на горных ступенях террас:
знают они об эпохе наших суровых и щедрых Предков.

Если же станет сажать он каштаны в долине Гардона,
то с наступлением первого лета умрут они от удущья.

Каждому дереву есть свое место под солнцем,
есть высота и есть широта.

Вносить измененья в природу –
что нарушить особые свойства растений.

Но правила те же посадки деревьев

в горах на Синае или в Севеннах:

выкопать яму со стороны около ста сантиметров,
насыпать на дно песка и земли, чернозема,

обильно полить...

39. Traditions et coutumes

Dans l'oasis de Pharan, la majesté des palmiers nous rappelle les colonnes et les voûtes de nos églises romanes.

Si le jardinier plante des palmiers en Cévennes, ils meurent de froid dès le premier hiver.

Le jardinier aime les châtaigniers

qui gravissent les terrasses en escalier :

ils lui rappellent l'histoire des Anciens, rudes et généreux.

S'il essaye d'en planter dans la vallée du Gardon,

ils meurent d'étouffement, dès premier été.

Chaque arbre a sa place, sa latitude, son altitude,

vouloir forcer la nature,

c'est violer les spécificités d'une espèce.

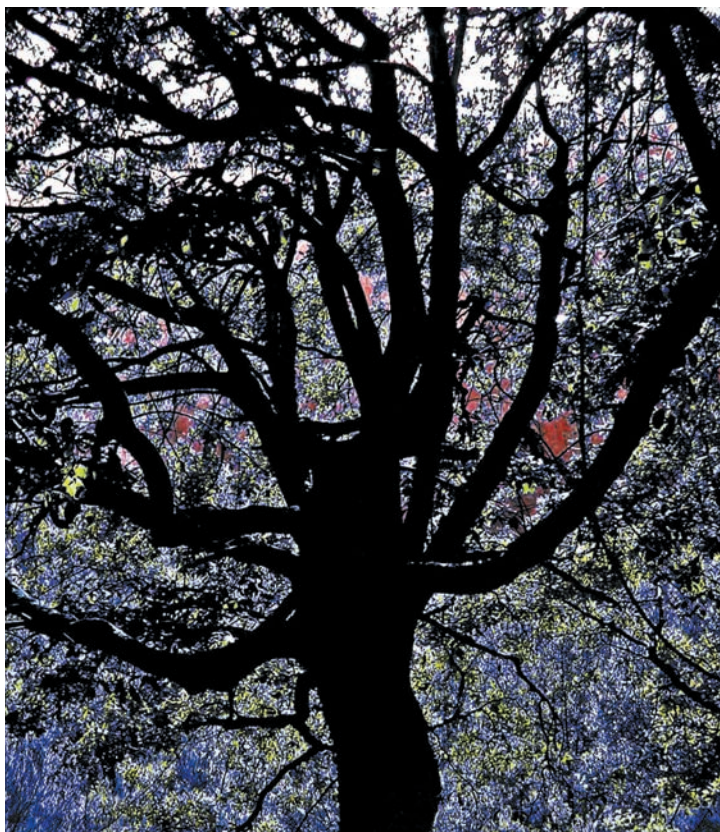
Cependant le principe pour planter un arbre demeure le même

au Sinaï ou dans les Cévennes : creuser un trou

de quatre-vingts centimètres de côté,

déposer une couche de sable, de compost, de terre,

arroser beaucoup...

40. Dormir sa vie

Le rêveur ne voit rien,
il contemple, mais ne communique pas.
Il affirme des souvenirs, mais n'engendre rien.
Il évoque l'apparence, des idées possibles
qu'il croit entrevoir, mais ne les montre pas.
L'image se dessine dans son imaginaire
sans s'incarner dans la réalité tangible.
Il martèle des formules pour aplatir les choses
jusqu'à les faire entrer dans l'étroitesse de ses mots.
Le rêveur fait croire à un monde sublime,
à la nostalgie du passé, aux buts merveilleux du futur,
à la croyance en une transcendance toute-puissante,
fictions d'un monde mythique dont il est le héros.
Le mouvement naturel d'une personne qui aspire à être
est de faire ce qu'elle dit, de vivre ce qu'elle est.
Elle donne une réalité à ses intuitions.
L'œuvre devient l'expression authentique de la foi,
l'incarnation visible de l'éternelle Beauté.

40. Проспать свою жизнь

Ничего не видит,
созерцает, но не приобщается,
утверждает идеи, но ничего не рождает.
Схватывает внешность кажущегося,
полагая это сутью, но безрезультатно.
Его воображение рисует образ,
без воплощения в осязаемую реальность.
Чеканит формулы и плющит ими вещи,
чтоб поместить их в тесноту словес...
Мечтатель манит в мир великолепный,
в славное прошлое, в чудесное будущее,
во всемогущую трансцендентность,
в эти вымыслы мифического мира,
герой которого – он сам!
Тот, кто хочет *быть*, спонтанно стремится
делать то, что говорит, и жизнь *свою* прожить,
предчувствия в реальность воплощая.
Его творенье – осязаемое веры выраженье,
воплощенье вечной Красоты.

41. Келья сердца

«Когда монах строит келью,
он созидает себе дом на небе»,
говорит преподобный Савва.

Процесс начинается с закладки фундамента, –
это очевидно для каменщика, но не для теоретика,
смотрящего на все с высокой крыши собственной мечты.
Скала – Христа прообраз – лучший от бури покров.
Стены растут ввысь камень за камнем,
малейшее отклонение от вертикали – и крушение неизбежно.
Распоры укрепляют замок свода:
щели от наших сомнений ослабляют его.
Для любого прохода есть простор отверстий.
Стеклянное оконце – серебряный щит,
пропускает свет, но не ветер, тепло, но не дождь,
образ предмета, но не его вещество.
Когда на воротах замок – те, кто имеют ключ,
могут входить, выходить. Крест – ключ жизни.
Когда на воротах щеколда – уже не выйти.
Проход в полной власти Стража, стоящего у порога.
Сооружение, подобное ковчегу,
покрыто чешуею сланцевых пластин,
уходит в плавание в небесном океане.
Камин кадиллом к небесам несет молитвословия монахов.

41. Cellule du cœur

« Le moine qui construit sa cellule,
se construit une maison au ciel »,
dit notre vénéré Père saint Sabba.

La construction commence par l'enracinement des fondations ;
ce qui est une évidence pour le maçon ne l'est pas toujours
pour le théoricien qui évolue en partant du toit de ses rêves.

Le roc, dont le Christ est la manifestation vivante,
demeure le meilleur appui contre la tempête.

Les murs s'élèvent verticalement pierre par pierre,
la moindre inclinaison provoque la chute de l'édifice.

Les pressions renforcent la clef de voûte,
la fissure de nos doutes l'affaiblit.

Tout passage s'effectue par le vide des ouvertures.

La vitre du fenestron, comme un bouclier d'argent,
laisse traverser la lumière mais pas le vent, la chaleur mais pas la pluie,
l'image de l'objet mais pas la matière de celui-ci.

Si la porte a une serrure, ceux qui possèdent la clef
peuvent entrer ou sortir ; la croix devient la clef de vie.

Si la porte a un loquet, ceux qui entrent ne peuvent plus sortir,
le Gardien du seuil devient le maître du passage.

La charpente prend la forme d'une arche
pour voguer dans l'océan du ciel,
elle s'habille d'écaillés de lauzes.

La cheminée encense le ciel de la prière du moine.

42. Причастность

Бог не призывает меня разделять неверие
с сомневающимся,
уныние со страждущим.
Бог призывает
заместить Любовью ненависть,
простить врага, отчаяньем отравленного.
В душе израненной
простую радость и наивность разбудить,
на палача, проклятием отмеченного,
с сочувствием смотреть.
Не для того, себя лишениям подвергаю,
чтоб нищему достоинство вернуть,
ему я возвращаю доверия пространство,
и блаженство милосердия.

42. Partager

Dieu ne m'impose pas de partager le doute
avec celui qui hésite,
la tristesse avec celui qui souffre.
Mais Dieu me demande
de poser l'Amour là où habite la haine,
de pardonner à l'ennemi qui vomit son désespoir,
d'éveiller à la joie naïve et simple
le cœur blessé,
de regarder avec compassion le bourreau
qui se maudit par son acte.
Ce n'est pas en me privant
que je restaure le mendiant dans sa dignité,
mais en lui redonnant confiance,
en lui offrant l'espace
d'une sereine tendresse.

43. Садовник

В Севеннах снег, тридцать сантиметров тяжести хлопьев.
Смертельная феерия, убийственное зрелище –
деревья склоняются до земли.
Ветви дубов, хранящих листву, стонут – трещат;
голые яблони за ночь дают запирать себя
в оковы изо льда.
Перчатки и шапка готовы приморской сосне,
в ответ – величавый поклон до земли,
и благоговения шепот.
Старец, в плаще и в шляпе садовника,
погружается в чашу.
Он будит деревья, стрясая с них снег,
не сильно, чтоб не ранить и не потревожить,
не слабо, но так чтоб не осталось следа от зимней пороши на листьях.
Деревья его узнают, и выпрямляясь,
дарят улыбку и благодарность ему,
в ответ за свободу от тяжести чуждой.
Не всем выпало счастье
плечи расправить от снега до ночи!
Согбенными им предстоит оставаться до срока,
стигматы хранить в теченье всей жизни древесной.

Саловник

43. Jardinier

Il neige sur les Cévennes, trente centimètres de flocons gras.

Devant une telle féerie meurtrière,
les arbres s'inclinent jusqu'à terre.

Certaines branches de chênes verts,
couvertes de feuilles, craquent ;
des pommiers sans feuilles se laissent enfermer
dans un carcan de glace durant la nuit.

Un pin parasol, chapeauté, ganté,
s'incline avec majesté jusqu'à terre
où il se couche dans un murmure étouffé.

L'Ancien, couvert d'une cape
et d'un chapeau à large bord,
s'enfonce dans la forêt.

Il secoue les arbres pour faire tomber la neige
pas trop fort pour ne pas déranger, ne pas blesser,
pas trop doucement pour ne pas laisser de poudreuse
sur les feuilles.

L'arbre le reconnaît, il se redresse, lui sourit,
le remercie de l'avoir libéré d'un poids qui ne lui appartenait pas.
Certains de ceux qui n'auront pas la chance d'être libérés
avant la nuit

resteront courbés et porteront les stigmates de cette épreuve
durant toute leur existence d'arbre.

44. Чего ты хочешь ?

В Иерихоне слепец преследовал Христа, крича ему во след:
«Иисус, Давидов Сын, помилуй мя!
Что хочешь от меня? его спросил Христос.
Прозреть! вопил слепой.
Поверил! Теперь спасен, и можешь видеть ты!»
(от Луки 18, 35-43)

«Что хочешь ты?» Пароль в ответ
у всех дверей услышать хочет страж.
Желанье ясно – и все становится возможно,
оно неведомо, необъяснимо – и вот уже терзания сомнений.
«Прозреть!»

Тому, кто сознает, что он слепец и просит искренне вернуть ему
способность видеть -

Прозреть возможно!

«Смотри, вера твоя спасла тебя».

Чудо - не доказательство,
оно лишь детище веры и свободы.

«Не я тебя спасаю против воли,
но ты, чрез веру в то, что Я сострадал.

Тебе дарю все то, что ты имеешь, если ты приемлешь.

Чего не достает, то можешь ты приобрести в смирении,
с достоинством».

Все этим сказано:

«Что хочешь ты? – Прозреть! - Смотри, верой ты спасен».

44. Que veux-tu ?

L'aveugle poursuit le Seigneur de ses cris à Jéricho :
« Jésus, Fils de David, aie pitié de moi !
Que veux-tu que je fasse pour toi ? demande le Christ.
Que je puisse voir à nouveau, répond l'aveugle.
Vois à nouveau, ta foi t'a sauvé. » (Luc, 18, 35-43)

« Que veux-tu ? »

Phrase de passage que l'on entend formuler
par le gardien à chaque porte.

Si le désir est exprimé clairement, tout est possible,
s'il est ignoré, indécis, le doute nous dévore.

« Voir ! »

Il est possible de donner la vue
à celui qui est conscient de ne pas voir,
et qui exprime son désir sincère de voir.

« Vois à nouveau, ta foi t'a sauvé. »

Le miracle n'est pas une preuve
mais la conséquence d'une libre adhésion à la foi.

« Ce n'est pas moi qui te sauve contre ta volonté,
mais toi, par ta foi en ma compassion.

Ce que tu possèdes, je te le donne si tu le reçois.

Ce que tu n'as pas, tu peux l'acquérir par l'humble dignité. »

Tout est dit en ces quelques mots :

« Que veux-tu ? – Voir !

– Vois à nouveau, ta foi t'a sauvé. »

45. Любовь – источник...

Любовь – источник
собственного своего движения.
Она расстояния преобразует,
интимностью сочетавая.
Загадочность пространства разрешая,
полным и сокровенным приобщением,
она восстанавливает Таинство:
Единство в двоице,
матрица
Триединства.

45. L'Amour est source...

L'Amour
est source de son propre mouvement.
Il transforme les distances
en une coïncidence intime.
Résolvant l'énigme de l'espace
par une communion intime et totale,
il restaure le mystère
de la dualité une,
matrice
de la Triunité.

Любовь — источник...

46. Милосердие

Милосердие
предвосхищает просьбу,
опережает мольбу:
оно ощущает в плоти и взоре,
робкий зов и на него отвечает.
Видишь гримасу уничиженья –
это бедный стал нищим!
Причина смерти – не голод,
а равнодушие.
Дело не в том, чтобы давать из того что имеешь,
совесть очистить
можно лишь соучастием
и отдачей своего Существа.
Милосердие – словно неуловимость дыхания,
сердцу израненному - успокоенье:
человеку падшему
дарует первородство.

Милосердие

96

46. Charité

La charité
pressent la demande de l'autre
en devançant son désir ;
elle perçoit sous la peau, derrière les yeux,
un appel timide auquel elle répond.
Si la demande est grimacée
le pauvre, humilié, devient mendiant.
L'homme ne meurt plus de faim,
mais d'indifférence.
Il ne s'agit plus de s'offrir à peu de frais
une bonne conscience par le don de l'avoir,
mais de participer à l'acte
par le don de son Être.
La charité n'est rien de plus
qu'un souffle léger
sur un cœur brûlant
qui apaise l'homme
en le rétablissant dans sa dignité

47. Пророк

Пророк
несет бремя мира, мир преодолевая,
всеобщие законы,
законом Духа побеждая.
Дает человеку наказ -
совершить превращенье,-
стать вместилищем Духа.
Пророк,
смеющийся отшельник,
творению бездну любви отверзает.
Сейчас он кричит
в пустоту городов:
«в себе отыщите
источник животворящий,
и перестаньте во вне искать утешенья,
словно изгнанники
в поисках новой земли.
Бог обитает в Храме вашего Сердца.
Он утоляет жажду Живительной влагой».
Так провозглашает Пророк
вечные Истины,
людям уснувшим.

Пророк

47. Le prophète

Le prophète
porte le monde qu'il traverse ;
il impose aux lois ontologiques
la puissance de l'Esprit.
Il désigne à l'homme
un retournement à accomplir
pour devenir le réceptacle de l'Esprit.
Le Prophète
est un renonçant plein d'humour,
qui révèle à la création
un abîme d'Amour.
Il crie aujourd'hui
dans le désert des villes :
« retrouvez en vous
la Source vivifiante,
arrêtez de ramper à l'extérieur
comme des exilés
à la recherche d'une terre.
Dieu habite le Temple de votre Cœur.
Il apaise votre soif par une Eau-de-Vie ».
Le prophète
hurle des Vérités éternelles
aux hommes endormis.

48. Блудный сын

В узах человеческого сердца
Бог непрестанно зовет к блудному сыну.
Исполненный более жгучим желанием,
нежели огонь вселенной,
мудрец отвечает «да»
всем своим естеством
в упоении, подобном жару печи раскаленной.
Любовь обращает Влюбленного
в Возлюбленного.

48. Le Fils prodigue

De la prison du cœur de l'homme
Dieu appelle à chaque instant le Fils prodigue.
Rempli d'un désir plus brûlant
que le feu du monde,
le sage lui répond
par le « oui » de tout lui-même.
C'est l'ivresse qui s'immerge
dans le bouillonnement d'une fournaise.
L'Amant par son Amour
devient l'Aimé.

БЛУДНЫЙ СЫН

В тебе источник

49. В тебе источник

Познай себя и ты познаешь вселенную и Бога.
Написано не так: «познай себя и ты себя познаешь»,
Не так: «познай ближнего и ты себя познаешь»,
Не так: «познай вселенную и ты себя познаешь»,
Не так: «познай Бога и ты себя познаешь»,
Но на фронтоне храма начертано:
«Познай себя и ты познаешь вселенную и Бога».

Воспринимаем резонанс вселенной,
Лишь слушая внимательно себя.
Мы не частица мироздания,
а целая вселенная в зачатке.
И приобщаемся Присутствию Божественному,
лишь неустанно проникая внутрь себя.
Бог открывает человеку: «Ты Мой образ».
Достигнуть можем мы Его подобья
в течение паломничества земного.
Мы материал для нашего преображения,
вместилище Святого Духа.

Познания цель – не есть сверхчеловек,
иначе человек вращался бы вокруг себя.
Цель наша в Боге!
«Бог сделался человеком,
чтобы человек стал Богом.
Слава Божия есть живой человек»
(Святой Ириней Лионский).

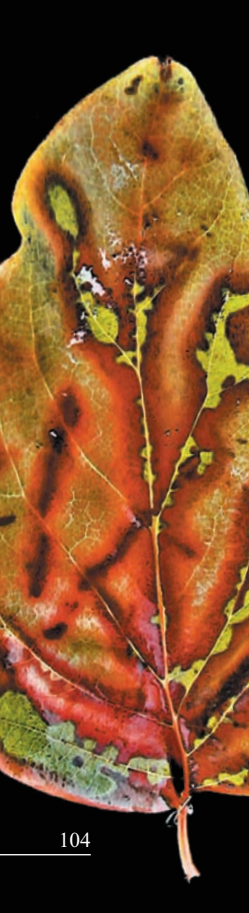
49. La source est en toi

Connais-toi toi-même et tu connaîtras l'univers et Dieu.
Il n'est pas écrit « connais-toi et tu te connaîtras »,
il n'est pas écrit « connais ton prochain et tu te connaîtras »,
il n'est pas écrit « connais l'univers et tu te connaîtras »,
il n'est pas écrit « connais Dieu et tu te connaîtras »,
il est bien écrit sur le fronton du temple :
« Connais-toi toi-même et tu connaîtras l'univers et Dieu. »

C'est par l'écoute attentive de soi-même
que nous percevons la résonance de l'univers.
Nous ne sommes pas une partie de la création
mais l'univers dans sa globalité en germe.
C'est par l'écoute vigilante de soi-même
que nous communions à la Présence divine.
Dieu révèle à l'homme qu'il est à Son image,
nous pouvons parvenir à Sa ressemblance
durant le pèlerinage de notre existence
en devenant la matière de notre transfiguration,
la matrice de l'Esprit-Saint.

Le but de la connaissance n'est pas le surhumain,
sinon l'homme tourne en rond autour de lui-même.
Le But de l'homme, c'est Dieu !
« Dieu s'est fait homme
pour que l'homme devienne Dieu.
La gloire de Dieu, c'est l'homme vivant »
(Saint Irénée de Lyon).

50. Ветер дует – шевелится лист

«Ветер дует – шевелится лист».
Краткий рассказ иллюстрирует ясно парадоксы жизни духовной.
Он прост: Мудрость – не есть удел эрудитов, она доступна невинному сердцу, открытому Присутствию Бога во всем, что живо.
Он универсален, на каждом уровне у него свое толкованье.

« Ветер дует – шевелится лист ».
Нет листа - и мы не услышим движение ветра.
Лист изучая – ветер нам не понять;
чтобы почувствовать ветер,
нужно сделать скачок, преодолев листа очертанья,
но помня, что лишь через лист ощущается ветер.

Нужно сделать скачок за грани зримого мира,
чтобы возникло предчувствие тайны,
но через творенье становится дух ощутимым.
Ветер, не знает никто *откуда* приходит,
не знает никто куда *он* уходит.
Лист объявляет присутствие ветра,
не зная, однако, как его удержать.

Лист послушно пускается в пляску ветра,
отдаваясь движению, силе, жизни,
никогда над ними властвовать не стремясь.
Он свидетель и проводник:
через него незримое становится зримым.

Читается образ в листе и ветре
соединенья тела и души.
Тело – пространство откровения:
в этой тайной близости ощущается вечность.

Еще бы прочесть:
Величие Бога открывается Его Присутствием
во всем творении.
Но тайну Дыхания Духа Святого
форма не может кристаллизовать.
Дух озаряет Своим сиянием сердцевину творения!

Засохнет древо,
останется дыхание ветра.

50. Le vent souffle, la feuille bouge

«Le vent souffle, la feuille bouge»
Cette courte histoire illustre assez bien
tout le paradoxe de la spiritualité.
D'abord elle est simple, la Sagesse n'appartient pas aux érudits,
mais elle se laisse percevoir par le cœur innocent
qui s'ouvre à la présence divine
dans tout ce qui vit ;
ensuite elle est universelle,
chacun peut l'interpréter à son niveau.

« Le vent souffle, la feuille bouge. »
S'il n'y a pas de feuille, nous ne voyons pas le vent.
Si nous étudions la feuille,
nous ne comprendrons jamais le vent ;
Il y a un saut à faire au-delà de l'apparence de la feuille
pour ressentir le vent,
mais c'est la feuille qui rend visible le vent.

Il y a un saut à faire au-delà du visible
pour pressentir l'invisible,
mais c'est l'œuvre qui rend perceptible l'esprit.
Le vent, on ne sait d'où il vient,
on ne sait où il va.
La feuille manifeste sa réalité,
sans pouvoir cependant le retenir.

La feuille, docile, suit la danse du vent,
se laisse initier au mouvement, à la puissance,
à la vie, sans jamais prétendre les posséder.
Elle est un témoin, un canal qui rend visible l'invisible

Nous pourrions lire aussi, dans la feuille et le vent,
l'union du corps avec l'âme,
le corps devenant le lieu de la révélation
où dans une proximité intime
se produit l'émergence de l'éternité.

Nous pourrions lire encore :
la Présence divine révèle Sa majesté dans toute Sa création,
mais aucune forme ne saurait cristalliser
le mystère du Souffle de l'Esprit-Saint.
Le Souffle irradie le cœur de l'œuvre !

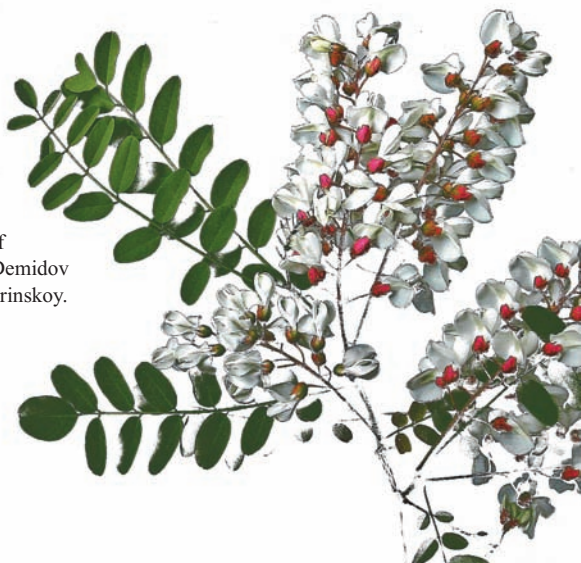
Quand l'arbre se sera éteint,
la brise continuera de souffler.

Ветер дует,
шевелился лист

Traduction en russe Anna Davidenkoff
avec le concours du Diacre Germain Demidov
texte revu par l'Archiprêtre Boris Bobrinsky.

Перевод Анны Давиденковой
При участии диакона
Германа Демидова в Москве
*Исправил текст протопресвитер
Борис Бобринский во Франции.*

Le skite Sainte Foy se situe dans le Sud de la France, dans les collines du Parc National des Cévennes, à Saint-Julien-des-Points, un petit village de 99 habitants. Il dépend canoniquement de l'Archevêché russe en Europe occidentale dans l'obédience du Patriarcat œcuménique de Constantinople. Il a été fondé en 1996 par le frère Jean qui est devenu en 2006 hiéromoine Gerasime. Le frère Joseph, sœur Énimie et sœur Viera participent à la fondation du monastère.

Père Gerasime, un monastère orthodoxe en France ce n'est pas ordinaire et des orthodoxes français c'est encore moins courant. Avant de parler de la fondation pourriez-vous nous raconter votre parcours ?

Je suis devenu moine en 1983. Avant d'être moine, j'étais journaliste. J'avais la page artistique dans divers journaux. Je faisais des articles sur des spectacles parisiens. Cela me permettait, en ayant une carte de presse, de rencontrer des gens merveilleux : Dali, Bédouin, Jean-Louis Barrault, Marcel Marceau, Olivier Messiaen... J'ai découvert que les artistes posaient de vraies questions : Qu'est-ce que la beauté ? Qu'est-ce que la vérité ? Qu'est-ce que l'amour ? Comment avoir le ton juste ? Le geste juste ? Comment réaliser le don de soi ? Comment réciter chaque jour le même texte sans se lasser ? Toutes ces questions me semblent importantes, j'ai trouvé les réponses dans l'église orthodoxe.

Dans les années 1980 je travaillais en particulier pour un journal japonais, le rédacteur-en-chef m'a demandé de faire un reportage sur le mont Athos, que je ne connaissais pas. J'avais 33 ans. J'arrive dans cette presque île hors du monde, je me laisse guider par la providence. Au détour d'un chemin je découvre les ruines d'un monastère. J'entre dans l'église, je descends dans la crypte et j'aperçois sur des étagères les crânes des moines décédés il y a de nombreuses années. Face à cette vision macabre pour la première fois de ma vie je me suis dit : « Mais un jour je vais mourir ! » Je n'y avais jamais pensé auparavant. Ce n'est pas que je me croyais immortel mais ce n'était pas ma préoccupation. J'avais une vie agréable. Une question surgit : « Un jour je vais mourir, qu'est-ce qui est le plus important pour moi ? » J'ai répondu : « Le plus important pour moi, c'est moi ! Il faut que je devienne moi ». Je n'ai pas honte de ma réponse mais aujourd'hui, j'avoue que ce serait ridicule si je répondais la même chose. Mais à l'époque : « Il faut que je devienne moi » me semblait le plus important.

Je faisais un travail passionnant. Je rencontrais des gens engagés mais moi, qu'est-ce que je faisais ? J'étais bouleversé. En sortant de cet ossuaire, je rencontre par hasard un moine dont je ne comprenais pas la langue, le grec. Je lui pose une question en français sur l'art de l'icône, il m'invite par un geste dans sa cellule. Pour me parler des icônes il s'est mis à chanter en byzantin. Je ne comprenais pas les mots qu'il me disait mais je ressentais sa foi, son souffle, sa joie, sa puissance, sa douceur... J'ai tout compris ! Non

pas les mots puisqu'il parlait en grec mais l'esprit où s'entremêlaient à la fois la mort et la résurrection, la souffrance et la joie, l'humilité et la majesté. J'ai découvert le langage du cœur. Il y a le langage intellectuel, rationnel, qui utilise le sens des mots, il existe aussi un langage paradoxal, du cœur, celui que le Christ utilise dans les Evangiles en particulier dans les Béatitudes.

On peut affirmer que je suis devenu moine en quelques secondes, comme un éclair, une illumination, une évidence ! Je suis rentré à Paris. J'ai démissionné de mon poste, j'ai quitté famille et amis, j'ai tout vendu. Je suis parti à Athènes où je suis devenu orthodoxe par chrismation, reçu par le hiéromoine Gabriel à l'église Saint Nicolas à Katopatissia où mon parrain, le père Nikos, célèbre la Liturgie. Puis je retourne sans tarder au mont Athos, j'ai recherché ce moine qui m'a converti par sa foi et par son chant près du monastère en ruine. J'ai pu vivre un engagement monastique au monastère de Stavronikita. J'ai cherché pendant plus d'une année ce père. Je ne l'ai jamais retrouvé, personne ne connaissait sa kelly. J'ai beaucoup pleuré ! Le père Païssios (canonisé depuis) voyant ma souffrance me conseille de rencontrer un vieux moine, le père Séraphim, qui vit au monastère Saint Sabba en Terre Sainte. Avec la bénédiction de l'higoumène Basile je pars au désert de Judée.

Je demande à l'Ancien, le Iéronda Séraphim, de m'accueillir comme postulant.

Le monastère Saint Sabba fut construit au Vème siècle dans le désert de Judée par l'empereur Justinien. C'est un des lieux les plus austères et les plus bas du monde, à 300 m au-dessous du niveau de la mer près de Jéricho, de Qumrân, près de la Mer Morte. Il y a de nombreuses reliques dont celle de saint Sabba, qui a élaboré le *Typikon* et dont le corps incorrompu est visible dans un cercueil en verre. Il y a aussi la grotte où vécut saint Jean Damascène... Je suis devenu rasophore (novice), sous le nom de Jean.

Dans le désert il n'y a pas d'oiseaux, pas de fleurs, pas de nuages, il n'y a que le silence opaque. Quand on reste quinze jours c'est une aventure inoubliable. Quand on y reste deux ans c'est une belle expérience. Quand on y reste plusieurs années, le combat intérieur devient un peu plus difficile parce que dans la ville on trouve toujours une excuse pour justifier ses faiblesses ou des amis pour les accuser de nos agacements. Dans le désert, il n'y a personne à accuser pour justifier nos révoltes intérieures. Je m'aperçois que même dans le désert le moine est tenté. J'ai dû purifier mon regard, mes pensées, mon cœur. J'ai découvert que l'enfer ce n'est pas l'autre mais que l'enfer je le porte en moi et que le démon me tente par mes points faibles. Mes doutes, mes peurs, mes illusions, mon égoïsme sont les péchés qui me font chuter.

Après plusieurs années d'ascèse, de prière, de jeûne, de silence, j'ai reçu la bénédiction du père Séraphim, pour venir en France. Il pensait que la France était une terre de mission, que l'on y avait perdu la foi chrétienne, que la religion musulmane prenait trop d'ampleur. On y vivait une foi intellectuelle, abstraite. On y avait perdu le sens du mystère et de la Présence. À Saint Sabba j'ai découvert une foi vivante, l'évidence de la Présence. La Présence est réelle, vivante dans un éternel présent, ce n'est pas un concept.

Je suis revenu en France où j'ai fondé une association d'artistes chrétiens. Vous vous souvenez que l'artiste pose de vraies questions, l'église orthodoxe a de vraies réponses. En 1992 j'ai fondé avec quelques amis la **Fraternité Saint Martin** qui a pour but de : « Témoigner de sa foi par ses œuvres ». À ma grande surprise plusieurs artistes se sont inscrits et un jour ils ont exprimé le désir de fonder un lieu d'accueil et de prière. On a trouvé en Cévennes un ancien prieuré du XVIème siècle, un lieu magnifique mais en mauvais état. On a créé une Association immobilière qui a acheté en 1996 le Verdier. Avec la bénédiction de l'archevêque Serge nous avons fondé le **skite Sainte Foy**. J'ai reçu le micro-schima (petit habit) des mains de l'archevêque Serge avec pour parrains les archimandrites Syméon et Job (futur archevêque de Telmessos). Pendant de nombreuses années, j'espérais qu'un prêtre viendrait. Des prêtres sont venus mais la vie est trop dure au quotidien au skite, ils ne sont pas restés. Le frère et les sœurs de la communauté ont demandé au nouvel archevêque Gabriel de me recevoir comme prêtre. Il a accepté. L'ordination fut célébrée en 2006 à la rue Daru à Paris dans la crypte de la cathédrale Saint Alexandre Nevski, avec pour parrains l'archiprêtre Boris (Bobrinsky) et l'higoumène Jean (Vesel). Pour résumer : à 33 ans j'ai eu la prise de conscience qu'un jour j'allais mourir. J'ai découvert un nouveau langage, celui du cœur. Je me suis engagé dans la voie monastique, j'ai vécu au Mont Athos, dans le désert de Judée, au skite Sainte Foy. Ma foi est toujours vivante sous le regard affectueux des Anciens qui m'ont engendré à la vie monastique.

Père Gerasime parlez-nous du skite Sainte Foy ?

Sainte Foy est une martyre de 12 ans, brûlée vive puis décapitée car elle ne voulait pas adorer les idoles romaines : elle fut martyrisée au IIIème siècle. Sainte Foy est la patronne des enfants et des causes désespérées. Les ruines du château Sainte Foy dominant la Vallée Longue, elles se situent en face de nos fenêtres. Le skite est construit sur un piton rocheux, au lieu-dit le Verdier. Au Verdier il y a des vestiges gallo-romains et celtes, c'était un lieu de culte, avant le christianisme. Au XIIème siècle il y avait une tour à signaux qui avait une vue de 360°, allant du Col de Jalcreste, la ligne de partage des eaux, jusqu'au château de Portes qui se situe sur la Régordane, un chemin qui rejoint le chemin de Saint-Jacques-de-Compostelle au Puy-en-Velay. Au XVIème siècle, le Verdier devint un prieuré bénédictin dépendant de l'abbaye Saint Victor à Marseille, il servait de poste à péage sur une piste muletière avec une garnison de 15 hommes, ce qui explique l'immense four à pain. À la Révolution française en 1789 le prieuré fut vendu comme Bien national et devint une ferme fortifiée. Nous avons, en 1996, acheté le Verdier, personne n'y vivait régulièrement depuis plus de 20 ans.

Parlez-nous de la vie quotidienne au skite Sainte Foy ?

Nous essayons de vivre comme dans un grand monastère bien que nous ne soyons que deux moines. Les sœurs vivent dans un autre lieu à 6 km du skite. Chaque jour nous devons nous adapter à des événements imprévus, en

particulier les visiteurs. Dans un monastère le père hôtelier s'occupe des hôtes et des fidèles de passage, les frères de la communauté peuvent continuer leur service, à deux c'est impossible !

Nous célébrons avec les sœurs la divine Liturgie le mardi ou le jeudi à 9h et le dimanche et les jours de fête à 10h, avec des Vigiles la veille à 20h30. Pour une journée normale nous nous levons à 4h pour réciter notre canon de prière en cellule. Chaque moine a un canon de prière, donné par son père spirituel, à réciter chaque jour : grandes et petites métanies, lectures saintes... Puis en été à 6h (en hiver à 7h) nous célébrons l'office des Matines et des Laudes dans la chapelle avec la lecture de l'Apôtre et de l'Evangile du jour. Nous prenons ensuite le petit déjeuner en commun, le frère lit un court extrait de la règle des moines. En été nous travaillons à l'extérieur de 9h à 11h, après il fait trop chaud, en hiver nous travaillons à l'extérieur de 10h à midi, avant il fait trop froid ! Nous partageons le repas, nous mangeons les légumes du potager. Nous pratiquons un jeûne léger le lundi, mercredi et vendredi sauf en carême où chaque jour est un jour de jeûne. Nous célébrons l'office de None après la vaisselle. En hiver nous accomplissons un travail de 14h à 17h avec les Vêpres à 17h30. En été nous avons un moment de solitude après l'office de None pour reprendre le service vers 15h pour célébrer les Vêpres à 19h. Après les Vêpres nous arrosons le potager, les arbres fruitiers, les fleurs... puis nous prenons séparément quelques nourritures, chacun en fonction de ses besoins et de sa santé. Après la vaisselle vers 19h en hiver (en été vers 20h30) nous célébrons les Complies dans la crypte. Puis nous rentrons dans le grand silence de la nuit.

Nous avons trois fêtes au monastère : sainte Foy le 6 octobre, saint Martin le 11 novembre et saint Sabba, à qui l'église est dédiée, le 5 décembre. Nous avons célébré les 20 ans du skite le 6 octobre 2016.

Je vous demande de comprendre que nous sommes deux moines, un prêtre au sanctuaire et un frère au chœur, ce qui demande beaucoup de préparations et de vigilance. Nous devons tout faire : préparer l'église, les repas, nettoyer les cuivres, les vitres, les sols... s'occuper du jardin, couper l'herbe d'une propriété de 3 hectares, entretenir les arbres, confesser, accueillir les hôtes, accorder des entretiens... je n'oublie pas la préparation des prosphores, de la lessive... C'est difficile à imaginer pour un Russe, un Grec ou un Roumain qu'en France il y a peu de fidèles qui participent à la vie quotidienne d'un monastère. Pour la lecture pendant le repas par exemple si un moine lit, l'autre mange... dans la durée ce n'est pas supportable. Nous avons choisi qu'un moine lise un texte spirituel durant quelques minutes puis que nous partagions le repas ensemble. Quand il y a plusieurs hôtes nous prolongeons la lecture et quand les pèlerins font la vaisselle, le lecteur mange en silence. Chaque situation est adaptée au skite. Nous avons toujours demandé la bénédiction de l'archevêque lors de la fondation. Le Doyen vient de temps en temps pour vérifier notre rythme de vie car on risque, sans le vouloir, de prendre de mauvaises habitudes.

Les sœurs vivent dans un autre lieu à six kilomètres du skite, elles ont leur propre rythme pour les offices, les repas et le travail. Elles habitent dans une

maison de village qui peut accueillir une vingtaine de personnes, plus s'il y a des couples. Nous organisons des stages de chant liturgique pour les chefs de chœur et pour les chantres des paroisses francophones, des cours réguliers d'iconographie, de théologie, des retraites sur le jeûne, la prière... En été les sœurs accueillent des prêtres avec leur épouse et leurs enfants, des familles orthodoxes en retraite. Nous sommes fermés en hiver car les bâtiments sont trop difficiles à chauffer. Au skite nous n'avons que trois chambres à offrir aux pèlerins et deux cellules pour accueillir les moines ou les prêtres.

Quels sont vos moyens de subsistance ?

Nous sommes pauvres, mais heureux. Nous ne vivons pas de l'accueil bien que ce soit un revenu non négligeable mais nous ne voulons pas de sélection par l'argent en cette période de crise. Nous vivons de notre travail. Nous avons un potager, une grande partie de la nourriture provient du domaine, nous avons des arbres fruitiers et les fidèles en échange de fruits (pomme, cerise, châtaigne, coing, fraise...) nous donnent de l'huile, du café, du sucre... c'est du troc. Chaque moine a une activité lucrative : vente de livres, de collage d'icônes, de confitures, de photos, de calligraphies. Nous proposons quelques stages et cours à la Maison du Levain... Il y a aussi quelques généreux donateurs que nous portons dans nos prières à chaque liturgie. Chaque mois nous vivons un miracle.

Qui peut venir au monastère ?

Pour les offices ou la Liturgie tout le monde peut venir. Pour les visites nous ne recevons que sur rendez-vous.

Pour l'accueil nous sommes soumis à la loi française qui nous impose de ne pas héberger les gens de passage, nous ferions une concurrence déloyale aux gîtes. Nous accueillons pour une retraite des pèlerins orthodoxes et des membres de la Fraternité Saint Martin : des artistes, des peintres, des écrivains, des musiciens, des danseurs, des poètes... nous accueillons aussi des artisans : des ferronniers, des ébénistes... nous accueillons enfin des paysans, des cuisiniers... Un bon pain, un bon miel, un bon fromage, un bon vin font des frères ! Nous accueillons des personnes qui témoignent de leur foi par leurs œuvres. Elles viennent en général ici pour faire une retraite. Elles ont parfois une question, mais elles viennent souvent pour faire, pour écouter le silence, pour se ressourcer, pour écrire un livre, pour préparer un spectacle... Il faut toujours réserver par téléphone avant de venir.

La France a besoin de témoignage spirituel. La société occidentale souffre d'un manque de spiritualité, de référence morale. La France a besoin de retrouver la Tradition évangélique et l'enseignement des Pères de l'Église.

Que dites-vous au pèlerin de passage ?

D'abord j'écoute le pèlerin, puis je l'invite à redécouvrir ses racines chrétiennes. Je lui parle de la prière du cœur, de l'ascèse, du jeûne, de la confession, de la Tradition vivante de l'Église en lui disant qu'elle se

renouvelle sans cesse : « Comme un vieux pommier donne toujours de nouvelles pommes »...

S'il pose une question spirituelle je lui réponds. S'il me demande par exemple : « Quel est le but de la vie ? » Je peux lui répondre : « Le But crée le sens. Le But de l'homme ce n'est pas l'humain, ce n'est pas le surhumain, le But de l'homme c'est Dieu ! Ce Dieu que je nomme Jésus-Christ. Le But ce n'est pas une réussite humaine mais l'acquisition de l'Esprit Saint de Dieu. Chacun peut faire de sa vie une louange, un témoignage. Il peut révéler dans le monde, à chaque instant, la Présence du Christ. La Paix, la Joie, l'Amour, la Beauté... sont des Noms de Dieu. Le pèlerin peut incarner la Beauté dans ses actes, l'Amour par un chant, par un sourire, la Joie par un geste de tendresse... ». J'aime crier la Beauté dans le désert des villes.

J'aime témoigner de la Grâce qui m'habite, de la Joie qui m'anime. J'essaie d'incarner ma foi dans les gestes simples de mon quotidien.

Un jour j'étais à Saint Sabba, je priais sous un chêne, j'ai concentré ma pensée sur une feuille mais après un certain moment je me suis laissé distraire par la feuille d'à côté et j'ai découvert que la feuille d'à côté était différente de la première. J'en ai regardé une deuxième, une troisième, une centième... j'ai découvert que toutes les feuilles étaient différentes entre elles. Dans le monde, il y a des millions de chênes, ça fait des milliards de feuilles et chacune est différente, chacune est unique. Le secret de cette expérience : Parce que je connaissais une feuille, je peux affirmer que chaque feuille est unique ! Parce que j'avais observé attentivement une feuille, je pouvais affirmer que chacune était différente ! Je me suis dit : « Pour Dieu chaque feuille est unique, la feuille du laurier, du châtaignier, du platane, du chêne, de l'acacia... Chacune est unique, chaque brin d'herbe, chaque caillou est unique ». Et j'ai découvert ce jour-là que j'étais le seul au monde à avoir ce visage. Si vous me connaissez, vous me reconnaîtrez où que je sois, car je suis le seul homme au monde à avoir ce visage, que je sois à Paris, à Moscou, à Jérusalem vous me reconnaîtrez, si vous me connaissez.

Je me lève, je quitte mon arbre pour faire part de ma découverte au père Séraphim et je lui dis : « Père, je suis unique au monde ».

Le père Séraphim sans lever la tête de son livre me répond : « Mon pauvre enfant, tu es bien en dessous de la vérité. – Comment ça, je vous dis je que suis unique au monde et vous me dites que je suis en dessous de la vérité ? – Il faut que tu rajoutes : Depuis le début des temps jusqu’à la fin des temps, aucun homme n’aura le même visage que le tien ». J’étais troublé par sa réponse mais ça allait encore. Je vais dans la bibliothèque pour consulter un dictionnaire. À cet instant j’ai vécu un drame. Il y avait une feuille de chêne représentée mais ce n’était pas « la mienne ». Ce jour là j’ai découvert que l’homme uniformise, là où Dieu personnalise. Chacun est unique pour Dieu ! Chaque feuille est unique ! Quand je dis que chaque feuille est unique je me trompe. Chaque partie de la feuille est unique : haut, bas, derrière, devant, dessous, dessus, droite, gauche. Chaque partie de la feuille est différente. C’est ça l’émerveillement, l’action de grâce. La Beauté peut convertir une âme en recherche de vérité.

***Vous dites que vous témoignez de votre foi par vos œuvres.
Quelles sont vos œuvres ?***

Personnellement j’exprime ma foi par le jardin, la cuisine, la poésie, la photographie, frère Joseph par le chant et le travail de la pierre, sœur Énimie par le pain, les confitures, sœur Viera par l’icône. Sœur Viéra, devenue mère Myriam, réside actuellement au monastère Saint Jean-Baptiste au mont des Oliviers à Jérusalem.

J’aime l’art car il s’incarne pour être visible. L’œuvre nous vérifie. Un érudit peut avoir de belles théories sur la vie spirituelle mais s’il n’a pas d’œuvre qui vérifie son acte il tombe facilement dans l’illusion ou l’orgueil. Le Christ critique souvent les docteurs de la loi qui disent mais qui ne font pas.

Au monastère Saint Sabba, je coupais une carotte pour la soupe avec le père Barsanuphe, un vieux moine russe de 93 ans. Il se met à pleurer, je tâche de le consoler le croyant triste. Surpris il me répond qu’il n’est pas triste. « Pourquoi, père, pleurez-vous ? ». Il me répond en élevant la carotte vers le ciel : « Toute la terre a porté cette carotte, toute la pluie l’a arrosée, tout le soleil l’a illuminée... et moi je pense à autre chose ». Ce qui faisait pleurer l’Ancien ce n’était pas la tristesse mais son manque de vigilance et d’émerveillement devant la Création de Dieu.

Il n’y a pas de hiérarchie en Dieu, la pâquerette n’a pas moins de valeur que la marguerite et la marguerite n’est pas moins belle que le lys.

Pour le jardin c’est le Seigneur qui fait croître. La Terre, le soleil, la pluie, la graine sont à lui. Je plante, j’arrose en fonction du sol, du soleil et de la lune. Quand je sème les graines je suis trois : moi avec mon mal de dos, la graine en tant que création et la prière en tant qu’ouverture au Créateur. Si j’en oublie un des trois, mon acte est inutile.

Je ne suis que le serviteur de la Création. Il ne faut jamais oublier de rendre grâce à Dieu pour son œuvre. « Que tes œuvres sont admirables Seigneur ! »

Comment conciliez-vous l'art et le service divin ?

J'essaie que tout soit beau, juste. Je fais de ma vie une louange habillée par la Grâce. Le skite je le construis dans la prière comme une immense sculpture, le jardin comme un livre, la photo comme une écriture de lumière, la cuisine comme une fête ! L'art c'est le partage, c'est le don de soi. Dans l'art il n'y a pas de distance entre Dieu, l'artiste et son œuvre, il devient l'expression d'une prière. On ne peut pas accuser le stylo d'avoir composé un vilain poème, ou l'appareil d'avoir pris une vilaine photo. C'est à la personne de chercher en elle pourquoi son aveuglement l'a empêchée de saisir l'instant, l'harmonie.

Dans le désert je m'exprimais par la calligraphie. J'utilisais des herbes séchées que je taillais en forme de plume. Je concentrais avec de l'eau du noir de bougie pour avoir une belle encre. Je fabriquais moi-même mes encres et mes stylets. Toutes les lettres, je les voyais en volume, je manduquais la Parole.

Le français, le russe, le grec sont des langues que je peux ne pas comprendre. L'art n'est pas une langue, c'est un langage, un langage universel, intemporel. Tout le monde peut comprendre l'art, que ce soit un chant slavon, une calligraphie, une photographie, une icône ... L'art est un langage universel ! Le fidèle, l'orant, l'iconographe donnent la meilleure partie d'eux-mêmes, ils donnent tout, ils sont transparents à la Grâce. Le geste du chef de chœur est chaque fois unique, il s'inscrit dans l'instant. L'art révèle tout ce que le fidèle a acquis : émotion, énergie, douceur... Le jeûne, l'ascèse, la louange sont des outils indispensables, des moyens qui nous purifient sur le cheminement intérieur.

L'art permet de rendre visible l'invisible. Un artiste a beaucoup d'humilité face à son art, il en est le serviteur, jamais le maître. Un jour, nous avons demandé à l'iconographe russe Iaroslav Dobrynine d'écrire des fresques dans la chapelle du skite. Le premier jour il était debout dans la nef, il pleurait. Je lui demande : « Qu'est-ce qui vous arrive ? » Il me répond : « Je dois peindre le Christ, la Vierge et saint Jean-Baptiste, je n'y arriverai jamais ». J'essaie de le consoler : « Vous avez déjà peint des fresques à Jérusalem, à Moscou... la communauté va vous aider par sa prière ». Il dit : « Bon, si vous priez, c'est bien ! » Mais il continue à pleurer : « Vos prières, ça ne suffit pas ». Alors je lui dis : « Mais on va faire aussi silence ». Il continue à pleurer. Je lui dis la phrase qu'il attendait : « On va jeûner ». « Si vous priez, si vous faites silence, si vous jeûnez, je veux bien essayer de commencer à peindre les fresques ». Si nous n'avions pas participé avec notre chair à l'engendrement des fresques, il serait parti. Il ne peint pas pour une reconnaissance humaine, il a des commandes pour plusieurs années. Le fait qu'il soit venu au skite Sainte Foy en France est extraordinaire et qu'il ait accepté de peindre sur les murs les visages des saints d'Occident est miraculeux. Il a accepté de venir en Cévennes, au skite, car il a apprécié l'authenticité de notre démarche : Témoigner de notre foi par nos actes pour laisser un signe aux générations futures.

Qu'est-ce que l'art sacré ?

Nous éditons une revue **Art Sacré** à 3000 exemplaires.

L'Art sacré n'imité pas la réalité, il respire avec elle. Le sacré a besoin d'un corps vivant pour devenir perceptible. Il ne jaillit pas de la gorge pour le chantre, pas de la main pour l'iconographe, pas de la tête pour l'hymnographe mais d'un au-delà, du plus profond de notre cœur ! L'œuvre est une ouverture perpétuelle à la transcendance, à l'incarnation du Christ.

Se tenir en présence d'une œuvre sacrée, ce n'est pas se tenir à l'écoute de l'artiste pour en recueillir les confidences ou le message. Ce qu'est l'œuvre, l'artiste ne le sait pas avant d'être surpris par elle. Une œuvre doit sortir de rien, jaillir du silence. Elle n'est pas issue d'une réflexion hasardeuse, d'une technique élaborée ou d'un imaginaire fécond. Sa manifestation procède d'une ouverture du cœur au subtil. L'artiste se laisse surprendre par la réalité qu'il rend visible par des traits de lumière. Transparent à la Beauté, il la laisse jaillir de son âme sans la colorer de son imaginaire.

Un architecte rend visite à un atelier de tailleurs de pierres. Il demande à un ouvrier : « Que faites-vous ? », l'ouvrier répond : « Je gagne de l'argent », il demande à un deuxième : « Que faites-vous ? », il répond : « Je taille des pierres », il demande à un troisième : « Que faites-vous ? », il répond : « Je construis une cathédrale ». Les trois tailleurs accomplissent le même travail, mais chacun est animé par un but différent. Nous sentons la différence entre le manœuvre, l'ouvrier consciencieux et l'artisan qui retrouve le geste des anciens et l'adapte avec simplicité aux œuvres contemporaines. Ce compagnon bâtisseur, habité par sa foi, caresse la pierre qu'il polit. Il intervient dans l'obéissance à la tradition. C'est dans la mesure où l'artisan retrouve l'état de contemplation qu'il accomplit le geste conforme à la Beauté et que celui-ci devient sacré. Il construit un sanctuaire où la Grâce permet à la sainte Présence de reposer. Ce n'est pas la forme qui est vue, mais la lumière que l'œuvre révèle. Une œuvre est sacrée lorsqu'elle irradie le Christ vivant.

Quel rôle a joué pour vous votre père spirituel ?

Mon père spirituel, le père Séraphim, était l'Ancien du monastère de Saint Sabba, où il vécut plus de 70 ans. Il est mort le jour de Noël en 2000, il avait 101 ans. Le père spirituel est un miroir, mon miroir. Il ne reflète pas mon portrait mais révèle le visage transfiguré par la Grâce. Je l'aimais plus que moi. Quand il disait quelque chose que je ne comprenais pas, je ne le jugeais pas mais je cherchais en moi ce que je n'avais pas compris. Il m'a libéré des vaines pensées. Je peux vous rapporter de nombreuses anecdotes.

Je peux, si vous le souhaitez, vous raconter une histoire. Dans le monde elle est une aberration, c'est une histoire qui fait rire ceux qui ne l'ont pas vécue. Quand on arrive dans un monastère, si l'abbé vous accepte, il vous donne un service communautaire, un travail (*diakonima*). Comme j'étais français je fus cuisinier. Cela fait trente ans que je suis cuisinier ! On apprend tout : à éplucher les carottes, à mettre la table, à fermer, ouvrir une porte. Être moine ce n'est pas simplement des grandes théories sur la vie, c'est aussi une attitude intérieure : par exemple se tenir debout à l'église, faire un signe de croix, accueillir un pèlerin. Nous apprenons à accomplir une infinité de gestes anodins qui ne s'apprennent pas dans une obéissance passive mais dans une écoute spirituelle, globale. On redécouvre : marcher, mettre la table, saluer un frère... Le premier jour l'Ancien me propose de mettre la table au réfectoire. Il y avait douze moines à l'époque, je place douze assiettes. Devant chaque assiette je dépose un loukoum, une pâte fruitée orientale. Je dois vous préciser qu'il y a un repas tous les deux jours. À la fin du service je me retourne et je m'aperçois que le loukoum, posé devant mon assiette, avait disparu. J'étais seul avec le père Séraphim, je pense que c'est lui qui me l'a pris. Imaginez : le premier jour le père abbé subtilise « mon dessert ». Vous comprenez mon inquiétude ! Je dis dans mon cœur : Ne juge pas, ne cherche pas à analyser, prie, reste dans la prière, mets la tradition en pratique. J'essayais de vivre tout ce que j'avais appris. Pendant tout le repas, j'essaie de prier mais à la fin du repas, je demande à parler à l'Ancien et je lui dis :

« Père, pardonnez ma question, mais pourquoi m'avez-vous pris mon loukoum ? Je suis un jeune postulant, je ne comprends pas très bien la règle ». Il ne répond rien, alors je continue de parler en espérant comprendre la raison de son geste. Au bout de cinq minutes je fais silence, il me demande : « As-tu fini de parler ? » Je lui réponds : « Oui mais je n'ai toujours pas compris pourquoi vous m'avez pris mon loukoum ». Il me répond : « C'est pour voir si tu allais me juger. Si tu m'avais dit c'est un scandale, c'est un abus d'autorité, vous, vous êtes vieux, moi je suis jeune... Je t'aurais répondu : Tu vois la porte elle est là, tu peux partir. Si tu viens dans le désert pour juger le monde, condamner tes frères tu n'as plus rien à faire dans ce monastère. Tu ne viens pas à Saint Sabba pour juger, tu viens dans le désert pour convertir ton cœur. Si tu vois un frère commettre une faute, ce n'est pas ton problème. Si sa faute te perturbe, toi, viens te confesser ». La première leçon que j'ai reçue c'est de ne pas juger, ne pas vouloir changer l'humanité, mais de me changer moi-même afin de retrouver la paix du cœur. « Tu viens au monastère pour te convertir ». La conversion n'est pas la prise de conscience. La prise de conscience est souvent sans lendemain, la conversion c'est vraiment le repentir dans les larmes, c'est le désir profond de changer radicalement.

Il y a des questions que j'ai posées pendant plus de dix ans, avant d'avoir entendu la réponse. Un jour j'ai écouté la réponse. Je ne sais pas pourquoi, mais un jour la réponse devient une évidence, alors je peux passer à autre chose. Donc le père spirituel est un miroir qui reflète la parcelle divine qui repose en moi. Je me vois à travers ses yeux, je m'écoute par sa bouche. Il ne me conduit pas à lui, pas à moi, il me conduit à Dieu. Le père spirituel n'est pas un être extraordinaire, c'est un être simple, sage. On peut être instruit sans être intelligent. On peut être intelligent sans être sage. La sagesse n'a rien à voir avec l'instruction. Le père est mon miroir, je me vois, je m'écoute, je me respire à travers lui. Il me renvoie mon image, une image transfigurée par la Grâce c'est-à-dire une icône vivante du Christ. Le But de l'homme ce n'est pas l'humain, ce n'est pas le surhumain, ce n'est pas le supra humain, le But de l'homme c'est Dieu ! L'Ancien ne me renvoie pas l'image idéalisée de mon *ego* ou d'une idole. Souvent on a besoin de compliments : Comme tu chantes bien ! Il faut vivre la flatterie comme un venin qui blesse notre âme, qui gonfle notre orgueil. Par exemple si je prends la photo d'une fleur, ce n'est pas la photo qui est belle, mais la fleur dont j'ai saisi la majesté. Il ne faut pas s'approprier ce que Dieu donne gratuitement.

Quand vous avez quitté le monastère, avez-vous perdu le contact avec lui ?

Non jamais, on prête obéissance à l'Ancien pour toujours, on peut communiquer avec lui à distance. J'allais régulièrement à Saint Sabba avant d'être prêtre, j'y allais pour le grand Carême, pour le carême de la Nativité du Christ. J'allais revoir mon père spirituel régulièrement pour me faire vérifier.

Il m'a appris de ne pas avoir honte à ne pas savoir. J'apprends aujourd'hui encore !

***Père Gerasime une dernière question,
avez-vous des projets pour le skite ?***

Construire une chapelle en bois pour témoigner de la beauté de l'orthodoxie en France, diffuser mes poèmes et mes photographies en Russie pour montrer que la France a une demande forte de la Tradition orthodoxe.

Un autre souhait : accueillir des fidèles, des artistes, des moines afin que le skite vive car nous sommes bien isolés dans nos Cévennes. Je commence à devenir vieux, qui héritera du skite Sainte Foy ? En France il y a si peu de vocations !

Tout est entre les mains de Dieu, nous lui faisons confiance car il est écrit dans Matthieu 7 : « Demandez et l'on vous donnera, cherchez et vous trouverez, frappez et l'on vous ouvrira ».

Merci aux lecteurs de nous porter dans leurs prières.

*Interview réalisé et traduit en russe par Anna Davidenkoff,
avec le concours du diacre Germain Demidov,
relu par l'archiprêtre Boris Bobrinsky*

СКИТ СВЯТОЙ ВЕРЫ

Скит Святой веры расположен на юге Франции, в холмистой местности Национального Парка Севенн, в деревушке Сен-Жюльен-де-Пуэн, где живёт девяносто девять человек. Он подчиняется Архиепископии Православных Русских Церквей в Западной Европе, Экзархату Вселенской Патриархии. Скит был основан в 1996 г. братом Иоанном, который, в 2006, стал иеромонахом Герасимом. Брат Иосиф, сестра Енимия и сестра Вера принимали участие в этом основании.

Отец Герасим, Православный монастырь во Франции – необычайное явление, а православные Французы встречаются еще реже. Можете ли Вы нам рассказать про Ваш жизненный путь?

Я стал монахом в 1983г. До этого я был журналистом и вёл художественную рубрику в разных газетах и журналах, писал рецензии о парижских спектаклях. Журналистский пропуск мне давал возможность вращаться в среде замечательных людей: Дали, Бежар, Жан-Луи Барро, Марсель Марсо, Оливье Мессиаан... Я узнал, что художники задают насущные вопросы:

Что такое красота, что такое истина, что такое любовь? Как актёру найти правильную интонацию, правильный жест? Как через искусство целиком отдать себя другим? Как читать каждый день один и тот же текст, не пресыщаясь им? Ответы на все эти важнейшие для меня вопросы я нашёл в Православии.

В 1980 годы я работал для японского журнала. Главный редактор отправил меня в командировку в Грецию с целью подготовить репортаж о Святой Горе Афон. Мне тогда было 33 года. На Афоне я до этого никогда еще не был. Я приезжаю на этот полуостров не от мира сего, предаваясь Провидению. На повороте дороги я обнаружил руины монастыря. Я вхожу в храм, спускаюсь в крипту и вижу на полках черепа давно умерших монахов. При виде такого мрачного зрелища, я впервые в жизни подумал: «В один прекрасный день я умру!» А ведь об этом раньше я никогда и не раздумывался. Не то, чтобы я мнил себя бессмертным, просто это была не моя забота. Я вёл весьма приятный образ жизни. И вдруг возникает такой вопрос: «придёт время и я умру, что же тогда для меня является самым важным в жизни?» И я сам себе ответил так: «Важнее всего для меня, я сам! Я должен стремиться быть самим собой». Мне не стыдно за такой ответ, но признаю, что если бы я так ответил сегодня, это было бы смешно. Но в это время «стремиться быть самим собой» мне показалось действительно самым важным.

Работа у меня была увлекательная. Я встречал людей занимающих определённое общественное положение. А что же делал я? Я был потрясён. Выйдя из усыпальницы, я наткнулся случайно на монаха. Этот монах говорил по-гречески, а я этим языком не владел. По-французски я задаю ему вопрос на тему иконописи, а он жестом меня приглашает в свою келью. И в ответ на мой вопрос об иконах, он вдруг

начинает петь на византийском напеве. Я не разбирал его слов, но чувствовал его веру, его вдохновение, его радость, его силу, его доброту... Я всё понял! Я не понял слов, так как он говорил по-гречески, но я уловил дух, в котором сливались воедино смерть и воскресение, страдание и радость, смирение и величие. Я нашёл язык сердца. Есть язык разума, рациональный, который опирается на значение слов. Есть еще язык противоречивый. Это тот язык, на котором Христос говорит в Евангелиях, в частности в Заповедях Блаженства.

Могу сказать, что в считанные секунды я решил стать монахом! Это было для меня как молния, как озарение, как очевидность!

Вернувшись в Париж, я подал заявление об уходе с работы, покинул семью, друзей, всё продал. Я поехал в Афины, где в храме святого Николая в Катопассии меня приняли в православие: иеромонах Гавриил совершил надо мной миропомазание, а отец Никос, мой восприемник, отслужил литургию. Сразу после этого я возвратился не медля на Афон, в поисках монаха, который своей глубокой верой и своим пением некогда у руин монастыря обратил меня в Православие. Я прожил некоторое время в Ставроникитском монастыре, храня свое решение стать монахом. Я его искал целый год безрезультатно: никто не знал, где его келья. Я много плакал. Видя мое страдание, отец Паисий (причислен с тех пор к лику святых) посоветовал мне встретить престарелого монаха, отца Серафима, живущего в Святой Земле, в монастыре святого Саввы. С благословением игумена Василия, я отправляюсь в Иудейскую пустыню...

Я прошу старца Серафима принять меня послушником.

Монастырь святого Саввы был построен в Иудейской пустыне императором Юстинианом, в V-ом веке. Расположенная на высоте трёхсот метров ниже уровня моря около Иерихона, Кумрана, недалеко от Мертвого моря, Иудейская пустыня является одним из самых низких и суровых мест в мире. Здесь хранятся мощи многих монахов, среди которых находится нетленное тело святого Саввы, лежащего в стеклянном гробе. Как известно, святой Савва - сочинитель *Типикона*. Там же находится пещера, в которой обитал преп. Иоанн Дамаскин... В монастыре святого Саввы я и принял рясофор под именем Иоанна. В пустыне нет ни птиц, ни цветов, ни облаков: царит лишь полнейшая тишина.

Если провести там две недели, то это незабываемое приключение. Если останешься два года, это хороший опыт. Если проживёшь несколько лет, аскетическая борьба всё труднее, потому что в городе всегда найдёшь повод, чтобы оправдать свои слабости, или друзей, которых ты можешь обвинять за свои раздражения. В пустыне же некого обвинять, чтобы оправдать наши внутренние бунты. Я ощущаю, что даже в пустыне монах подвергается искушению. Мне пришлось очистить мой взор, мои мысли, мое сердце. Я открыл, что ад это не другие, но что ад лежит в самом себе и что лукавый меня искушает через мои немощи. Причина падения – это мои грехи, сомнения, мои боязни, иллюзии, мое себялюбие...

После нескольких лет аскезы, молитвы, поста и молчания отец Серафим меня благословил на возвращение во Францию. Он думал, что Франция – миссионерская земля, что там утрачена христианская вера, что мусульманская религия слишком широко распространяется. Наша вера стала интеллектуальной, отвлечённой. Мы отошли от смысла тайны и от Божьего Присутствия. В монастыре св.Саввы открылась мне живая вера, очевидность этого Присутствия. Присутствие истинное, живое, воплощенное в вечно настоящем, а не какое-то отвлеченное понятие.

Я вернулся во Францию, основал общество христианских художников. Я выше сказал, что всякий художник задает засушные вопросы, а ответы засушные дает нам Православие. В 1992 г. совместно с несколькими друзьями я основал Братство Св.Мартина: мы себе поставили целью стремиться «свидетельствовать о вере в своих делах». К моему большому удивлению многие из них вошли в Братство, желая просто иметь помещение для приёма и молитвы. Мы нашли в Севеннах великолепное старинное аббатство XVI-го века, но в очень плохом состоянии. Чтобы приобрести это имущество в так называемом месте Ле Вердье, нам пришлось создать Ассоциацию собственников недвижимости в 1996 году. Таким образом, с благословения архиепископа Сергия мы основали скит Святой Веры. Я получил малую схиму из рук архиепископа Сергия: моими восприемниками стали архимандрит Симеон и архимандрит Иов (будущий архиепископ Тельмисский). Долгие годы я надеялся, что к нам придёт священник. Священники приходили, но повседневная жизнь в скиту тяжела, и они не оставались. Брат и сестры нашей общины обратились к новому архиепископу Гавриилу с просьбой принять меня в священники. Он согласился. Я был рукоположен в 2006 г. в крипте Собора Святого Александра Невского в Париже (на улице Дарю): моими восприемниками были протопресвитер Борис (Бобринский) и игумен Иоанн (Везель). Одним словом, в 33-летнем возрасте я осознал, что мне предстоит когда-то умереть. Я обнаружил новый язык, язык сердца. Я вступил в монашескую жизнь. Я жил на Афоне, в Иудейской Пустыне, в скиту Святой Веры. Моя вера всё еще жива, под благостным взором старцев, которые меня родили к монашеской жизни.

***Отец Герасим, расскажите нам
о ските Святой Веры.***

Святая Вера была 12-летней мученицей, заживо сожженной, т.к. она отказалась поклоняться римским идолам. Она была замучена в III-м веке. Святая мученица Вера – покровительница детей и избавительница от отчаянных скорбей.

Развалины замка Святой Веры возвышаются над *Длинной Долиной*, напротив наших окон. Скит построен на скале, в местечке *Ле Вердье*. Тут можно еще видеть галло-римские и кельтские руины, напоминающие о древнем языческом святилище, которое существовало

до христианских времен. В XII-м веке там стояла сторожевая башня с видом на 360 градусов от *Ущелья Жалькреста*, где проходит водораздельная линия, до замка *Порт*, расположенного на паломническом пути к Святому Якову Компостельскому.

В XVI-ом веке, Ле Вердь превратился в монастырь бенедиктинцев, подчиненный аббатству Святого Виктора в Марселе. Он являлся пунктом сбора дорожной пошлины. Там же, на горной тропе для мулов, располагался гарнизон из 15-ти человек, поэтому здесь была пристроена огромная хлебопекарная печь. Во время Французской Революции 1789 г. монастырь национализировали и он стал крепостной усадьбой. Мы купили Ле Вердь в 1996г.: там уже больше двадцати лет никто не жил постоянно.

Расскажите нам о ежедневной жизни в ските Святой Веры?

Мы стремимся жить как в большом монастыре, хотя нас только двое. Сестры живут в другом месте на расстояние 6-ти километров от скита. Каждый день нам приходится приспосабливаться к самым непредвиденным случаям, и, в частности, к неожиданному приезду посетителей. В большом монастыре отец-гостинник занимается гостями и паломниками, пока братья могут исполнить свое послушание, но вдвоем это просто невозможно.

Мы с сестрами служим божественную Литургию по вторникам или по четвергам в 9ч, а в воскресные и в праздничные дни в 10ч. Накануне мы начинаем всенощное бдение в 20ч30. В обыкновенный день мы встаем в 4ч, чтобы читать наше правило в келье. Каждый монах должен ежедневно читать правило, которое ему лично назначает его духовник: к нашему канону прибавляются большие и малые поклоны, чтения из Священного Писания... Затем мы в часовне служим утрению, с чтением Апостола и Евангелия дня, в 6 ч. летом, а зимой в 7ч. Потом мы вместе завтракаем, брат Иосиф читает краткий отрывок из монашеского правила. Летом мы работаем на дворе с 9 ч. до 11ч (после 11 слишком жарко), а зимой с 10ч. до 12ч. (раньше слишком холодно). Обедаем мы вместе: мы едим овощи с огорода. Мы соблюдаем умеренный пост по понедельникам, средам и пятницам, а в Великую Четырнадцатилетнюю каждый день является постным. После мытья посуды, мы служим девятый час. Зимой мы исполняем наше послушание с 14 ч до 17, и в 17ч,30 начинается вечерня. Летом после служения девятого часа, мы можем уединиться до 15 ч, затем вновь послушание, и в 19 ч. часов вечерня. После вечерни мы поливаем огород, фруктовые деревья, цветы... затем каждый отдельно принимает какую-то пищу, по своей нужде и по состоянию своего здоровья. После мытья посуды (часов в 19 зимой или 20.30 летом), мы служим повечерие в крипте. Затем мы вступаем в великую ночную тишину.

В монастыре мы отмечаем три праздника: святая Вера 6-ого октября, святой Мартин 11-ого ноября, и святой Савва 5-ого декабря, наш

престольный праздник. В 2016 г., 6-ого октября, мы отпраздновали 20-летие Скита.

Я хотел бы просить Вас помнить в особенности, что нас только двое монахов: один священник в алтаре, и один брат на клиросе и это положение требует от нас многих усилий и ежеминутной бдительности. Мы сами должны всё делать: убирать церковь, готовить обеды, чистить медные изделия, стёкла, полы..., работать в саду, косить траву в этой усадьбе площадью в три гектара, ухаживать за деревьями, исповедовать, принимать гостей, беседовать с ними..., не говоря уж о том, что надо печь просфоры, стирать белье... Русскому, румыну или греку трудно себе представить, что во Франции так мало верующих заботится о повседневной жизни монастырей. За обедом, например, пока один монах читает, другой ест... Но нельзя этого выдержать одновременно. Мы решили, что один из нас прочтёт несколько строчек из духовных книг, и затем вместе обедаем. Когда у нас бывают гости, чтение длится дольше, и пока паломники моют посуду, чтец ест в молчании. Всё делается сообразно обстоятельствам. При основании скита, мы просили благословения у архиепископа. Время от времени приезжает благочинный, чтобы проверить распорядок нашей жизни: ведь так легко, поневоле, утратить требовательность к самому себе!

Сёстры, живущие отдельно в 6 км от скита, в деревенском доме, имеют свой определённый порядок для служб, обедов и работы. Их дом достаточно просторный, чтобы в нём могли поместиться человек двадцать и даже больше, если среди них есть пары. Летом сёстры принимают священников с их семьями и православных паломников. Мы там организуем стажировки литургического песнопения для регентов и чтецов франкоязычных приходов, регулярные курсы по иконописи, по богословию, и мы разделяем с стажерами опыт монашеской жизни, основанной на посте и на молитве. Летом сёстры принимают священников с их женами и их детьми, православные семейства на пенсии. Зимой прекращаются всякие приемы, так как слишком трудно отапливать эти здания. В скиту у нас только три комнаты для паломников, и две кельи для приема монахов и священников.

Какие у вас средства существования?

Мы бедны, но счастливы. Прием паломников нас не кормит, хотя это не ничтожный доход: но мы не хотим, чтобы денежное состояние, особенно в этот период кризиса, было препятствием побывать в скиту. Мы живем своим трудом. У нас огород, и большая часть нашей пищи происходит от наших земель, где растут фруктовые деревья: принимая от нас яблоки, черешню, каштаны, айву и клубнику..., паломники приносят нам оливковое масло, кофе, сахар... Это меновое натуральное хозяйство и обмен! У каждого из нас есть и занятие, приносящее прибыль: продажа книг, репродукции икон, варенье, фотография, каллиграфия. Конечно нам помогают стажировки и курсы, которые мы организуем у сестёр в их доме *La Maison du Levain (Дом Дрожжей)*.

Кроме того у нас несколько щедрых жертвователей: мы за них молимся на каждой литургии. Каждый месяц мы переживаем чудо!

Кто может приезжать в скит?

На Божественную литургию как и на другие службы, все люди могут приезжать. Но чтобы посещать скит, посетители должны заранее предупредить.

По французскому закону мы не имеем право пустить гостей с ночёвкой, чтобы не создать нелояльную конкуренцию с гостиницами. К нам

могут приезжать православные паломники и все, кто привержены к искусству, как художники, писатели, музыканты, балетные мастера, поэты... и также ремесленники, как мастера стальных изделий или серебряных дел, краснодеревцы, и еще крестьяне, повара... Хороший хлеб, вкусный мёд, хороший сыр, вкусное вино создают братские отношения!

Мы принимаем людей, свидетельствующих о своей вере в своих произведениях. Они вообще приезжают сюда на духовное уединение. Иногда они обращаются к нам с мучительным вопросом, но чаще всего они приезжают за духовным окормлением: им просто хочется посидеть в молчании, внимая тишине, перед тем как начать писать книгу, готовить спектакль... Надо всегда предупредить о своем приезде заранее по телефону.

Франция нуждается в свидетельстве о духовной жизни. Западное общество страдает от недостатка духовности и морального авторитета. Франция должна оживить евангельскую традицию и учение Святых Отцов.

Что Вы говорите паломнику на пути?

Прежде всего я паломника слушаю, затем призываю его вновь обрести свои христианские корни. Я ему говорю о сердечной молитве, об аскезе, посте, исповеди, о Живом Предании Церкви, которое постоянно возобновляется, «подобно старой яблоне всегда дающей новые яблоки»...

Если он задает духовный вопрос, я ему отвечаю. Если он меня спрашивает например: «В чём цель жизни?», я могу ему ответить, что: «Цель жизни – раскрытие смысла. Целью нашей жизни не является ни человек, ни сверхчеловек. Цель человека в Боге! Бог, кого я нарекаю Иисусом Христом. Цель не человеческий успех, но стяжание Святого Духа Бога. Каждый из нас может совершить свою жизнь как славословие, как свидетельство. В каждое мгновение он может миру явить Присутствие Христа. Мир, Радость, Любовь, Красота, это Имена Божии... В каждом поступке паломник может воплотить Красоту, выразить Любовь в своем пении или просто в улыбке, Радость в нежном жесте...». Я в пустыне городов люблю провозглашать Красоту, свидетельствовать о Благодати, наполняющей душу мою, о Радости вдохновляющей меня. Я пытаюсь воплотить мою веру в самых простых ежедневных жестах.

Однажды находясь в монастыре святого Саввы, сидя под дубом я молился. Я сосредоточил мою мысль на определённом листе, но некоторое время спустя я увлёкся соседним листом и замечаю, что он отличается от первого. Я рассмотрел третий лист, десятый, сотый... и открыл, что все листья разные. В мире существуют миллионы дубов, значит есть миллиарды листьев, и каждый лист различный, уникальный. Что же раскрывает нам этот опыт? Познав один из этих листьев, я мог утверждать, что каждый лист единственный. И лишь

потому, что я тщательно его наблюдал, я мог утверждать, что каждый лист разный. Я самому себе говорил: «Для Бога каждый лист единственный: лист лавры, каштана, платана, дуба, акации... Каждый единственный, каждая былинка единственная, каждый камушек единственный...» В тот день я понял свою уникальность в мире. Если вы меня знаете, вы меня узнаете, где бы я ни был: в Париже, в Москве, в Иерусалиме, ибо я единственный человек в мире имеющий такое лицо.

Встав, я удаляюсь от своего дерева, иду к отцу Серафиму, чтобы ему поведать мое открытие и говорю ему: «Отче, я единственный в мире». Не отрываясь от своей книги, отец Серафим мне отвечает:

«Бедное моё чадо, ты еще весьма далёк от истины.

– Как же! Я Вам говорю, что я единственный в мире, и Вы мне говорите, что я далёк от истины?

– Тебе нужно прибавить: От начала до конца времён никто не будет иметь такое лицо как я». Я был смущен его ответом, но терпел еще.

Я пошёл в библиотеку, чтобы справиться в словаре. В этот момент я пережил драму. Я нашёл картину с изображением дубового листа, но это был не «мой лист». В этот день я открыл, что человек делает однообразным там, где Бог олицетворяет. Каждый для Бога единственный! Каждый лист единственный! И когда я говорю, что каждый лист единственный, я ошибаюсь. Каждая часть листа единственная, если присмотреть его вверх, вниз, или спереди, сзади, слева, справа...Каждая часть листа разная.

Вот что вызывает в нас восхищение, благоговейное благодарение Богу! Красота может привести душу, жаждущую истины к вере.

Вы говорите, что Вы свидетельствуете о Вашей вере в Ваших произведениях. Каковы же Ваши произведения?

Лично я стремлюсь воплощать мою веру в работе на огороде, на кухне, в стихотворениях или фотографиях. У брата Иосифа со своей стороны воплощается она в песнопении и обработке камня, у сестры Енимии - хлебом и вареньями, у сестры Веры - иконами. В данный момент сестра Вера обитает в монастыре святого Иоанна Предтечи на Елеонской Горе в Иерусалиме.

Я привержен к искусству, потому что оно воплощается, чтобы стать видимым. Произведение нас проверяет. Эрудит может рассуждать на прекрасные отвлеченные темы о духовной жизни, но если он не имеет дела, оправдывающего его действия, он легко впадает в прелесть или в гордыню. Не раз Иисус Христос разоблачал законников, которые рассуждают, а дел не имеют.

В монастыре святого Саввы я резал морковь для супа с отцом Варсонофием, русским старцем 93-х лет. Вдруг он стал плакать, я пытаюсь его утешить, думая, что он грустит. А он с удивлением мне отвечает, что он не грустен. – «А зачем, отче, Вы плачете?» Поднимая к небу морковь, он говорит: «Вся земля принесла эту морковь, дождь её целиком оросил, солнце её одяло светом... а я думаю о чем-то другом.» Не от грусти плакал старец, а от недостатка бдительности и изумления перед Божьим Творением.

В Боге нет иерархической лестницы: ромашка не менее ценна чем маргаритка и маргаритка не менее красива чем лилия.

Сад выращивает не я, а сам Господь. Земля, солнце, дождь, семя... все от Бога. Я сажаю деревья, поливаю сад, как нужно: каждому растению есть свое место под солнцем и под луной. Не я один сею семена, ибо в этом действии трое принимают участие: я – со своей болью в спине, само семя, которое является *творением*, и молитва обращенная к *Создателю*. Если одного из них не хватает, мое дело бесполезное.

Я являюсь лишь служителем Творения. Нам никогда нельзя забывать воздавать благодарение Богу за творение Его.

«Дивны дела Твои, Господи!» (Псалом 103,24).

Как сочетается у вас искусство с богослужением?

Я стремлюсь воплощать в каждом повседневном деле гармоничность и истину, чтобы моя жизнь, облеченная Благодатью, превратилась в непрерывное славословие. Созидание скита совершается в молитве. Он представляет собой огромную скульптуру, сад открывается как книга, фотография проявляется как подлинная светопись, а кулинария как настоящий праздник! Искусство нас призывает к общению, к отдаче самого себя другому. В искусстве нет расстояния между Богом и художником со своим произведением: искусство становится выражением молитвы. Нельзя обвинять ручку за сочинение плохого стихотворения или фотоаппарат за неудачный снимок. Надо самому художнику искать в себе, почему его ослепление помешало ему уловить моментальный снимок, гармоничность.

В пустыне я предавался каллиграфии. Я употреблял сухие травы, точил их в виде остроконечного пера, сам готовил красивую тушь из черной свечи, растворенной в воде. Я сам выделял чернила и перья. Все буквы представлялись мне в объеме, я вкушал Слово.

Языки (французский, греческий, русский) я могу не понимать. Но искусство отличается от языка, оно какой-то способ выражения: оно в своем роде речь универсальная, вневременная. Каждому человеку понятно искусство, будь то славянское песнопение, каллиграфия, фотография, икона... Верующий, молящийся, иконописец нам дают без оглядки самое сокровенное, что у них в душе, они прозрачны Благодати. Жест регента каждый раз неповторяемый, он вписывается в мгновение. Искусство выявляет всё, что стяжал в себе верующий: эмоцию, энергию, кротость... Пост, аскеза, славословие оказываются необходимыми средствами, способом для нашего очищения на нашем внутреннем пути.

Искусство делает видимым невидимое. Художник относится с полным смирением к своему произведению, никогда не властвуя над ним он ему слуга. Несколько лет назад мы обратились к знаменитому русскому иконописцу, Ярославу Добрынину, с просьбой расписать фресками часовню скита. В первый день он простоял в середине храма и плакал. «Что случилось», спрашиваю я. Он мне отвечает: «Я должен изобразить Христа, Богородицу и Иоанна Крестителя, я этим никогда не справлюсь». Я пытаюсь его утешить: «Вы уже писали фрески в Иерусалиме, в Москве... и наша община Вам поможет своей молитвой.» Он говорит: «Ладно, если вы будете молиться, это хорошо», а сам всё продолжает плакать. «Но недостаточно лишь Ваших молитв». Я тогда ему говорю: «Мы будем соблюдать молчание». Он продолжает плакать. И вдруг я произношу те слова, которые он ожидал: «Мы будем поститься». - «Если вы пребудете в молитве, в молчании и поститесь, то я готов начать писать фрески». Но если бы мы не участвовали нашей плотью в осуществлении фресок, он бы ушёл. Он не пишет ради человеческой славы, у него заказы на несколько лет. Его приезд во Францию, в скит Святой Веры уже сам по себе великое событие, а

его соглашение писать в нашем храме на стенах лики западных святых чудесно. Он согласился приехать к нам в Севенны, в скит, ибо он почувствовал подлинность нашего духовного подхода: свидетельствовать о нашей вере через наши дела, чтобы оставить явный знак.

Что такое священное искусство?

Мы издаем журнал *Священное Искусство (ART SACRÉ)* тиражом 3000 экземпляров.

Священное искусство не подражает реальности, а с ней дышит. Священное требует живой плоти, чтобы быть осязаемым. Оно не рождается в горле чтеца, ни в руке иконописца, ни в голове песнопевца, но возникает за пределами, из самой глубины нашего сердца! Произведение – вместилище, непрерывно открытое трансцендентному и воплощению Христа.

Находясь перед религиозным произведением, мы не прислушиваемся к художнику, чтобы принять его заветные мысли или слово. Сам художник не знает, каким будет его творение, пока оно в его душе не обнаружилось. Произведение рождается из ничего, является из тишины. Оно происходит не от случайной мысли, не от сложной техники или от плодотворного воображения. Лишь пронизательное сердце способствует его осуществлению. Художник охваченный реальностью, проявляет её в световых чертах. Восприимчивый к Красоте художник дает ей прорваться из глубины своей души, не украшая её своим воображением.

Зодчий посещает мастерскую каменотёсов. Он обращается к рабочему: «Что Вы делаете?» Рабочий отвечает: «Я зарабатываю деньги». Он спрашивает второго: «Что Вы делаете?» «Я обтёсываю камни». Он спрашивает третьего. Тот отвечает: «Я строю собор». Все три каменотёса выполняют одинаковую работу, но у каждого цель разная. Мы ощущаем разницу между простым рабочим, добросовестным подмастерьем и ремесленником, который научился воспроизводить старинные жесты, приспособивая их без затруднения к современному творчеству. Насыщенный верой, мастер-строитель ласково трогает рукою камень, который он шлифует: он повинуется традиции. Лишь предаваясь созерцанию, ремесленник может исполнить жест ему продиктованный Красотой, который тогда становится священным. Он строит святилище, где Благодать позволяет святому Присутствию почивать. Не форма видна, а свет выявленный творением. Творение является священным, когда оно озаряет своим сиянием Живого Христа.

Какую роль играл для Вас Ваш духовный отец?

Мой духовный отец – отец Серафим, старец из монастыря святого Саввы, где он прожил больше 70 лет. Он скончался в день Рождества в

2.000 году: ему исполнился 101 год. Духовный отец, это зеркало, мое зеркало. Он не отражает мое лицо, но лик преображенный Благодатью. Я его любил больше себя. Когда я не понимал то, что он мне говорил, я его не осуждал, но старался найти внутри себя почему я не могу понять. Он меня научил избавляться от праздных мыслей. Я мог бы Вам привести много примеров. Вот хоть один рассказ: он может показаться просто смешным для мирского человека, который никогда не имел такого опыта. Когда ты поступаешь в монастырь, сначала игумен тебя принимает трудником и назначает тебе послушание (диаконима).

Будучи французом, я стал поваром. И вот я больше 30-и лет повар! Приходилось всему учиться: как резать морковь, как накрывать на стол, как затворять или отворять дверь. Монах не отдается только возвышенным теориям о жизни, он еще стремится приобрести внутреннее благообразие, которое отражается во всем его поведении: как стоять в храме, как креститься, как принимать паломника. Приходится учиться безмерному количеству мелких жестов. И это делается, не слепым повиновением, но всецело прислушиваясь духовному требованию. Нужно заново учиться ходить, кланяться брату...

В первый день старец просил меня накрыть на стол в трапезной. В это время нас было двенадцать человек-монахов. Я расставляю двенадцать тарелок и рядом с каждой тарелкой кладу по одному лукуму (восточной сладости). Нужно уточнить, что у нас обед подавали через день. Окончив накрывать на стол, я оборачиваюсь и тут же замечаю, что лукум положенный рядом с моей тарелкой исчез. Мы с отцом Серафимом были одни и я соображаю, что он его взял. Представьте себе: в первый же день отец игумен украдкой взял «мое сладкое». Вы поймите мое беспокойство! Я про себя говорю: «Не осуждай, не подавайся рассуждению, молись. Продолжай пребывать в молитве, применяй предание к данному случаю». Я стараюсь осуществлять в практике все, чему меня научили. В течение обеда я пытаюсь непрестанно молиться. В конце обеда я обращаюсь к старцу: «Отче, простите меня за мой вопрос, но почему Вы взяли мой лукум? Я молодой послушник, еще не совсем усвоил правило». Он ничего не отвечает. Тогда я говорю дальше, надеясь понять причину его поступка. Пять минут спустя, я замолчал, и он меня спрашивает: «Ты все высказал?». «Да, отвечаю я, но я все еще не понимаю, почему Вы взяли мой лукум». Он говорит: «Я хотел знать, собираешься ли ты меня судить. Если бы ты мне сказал: – это скандал, это злоупотребление властью. Вы же старый, а я молод..., я бы тебе ответил: Видишь ли там дверь, ты можешь уйти. Если ты пришел в пустыню, для того, чтобы судить других, точно как в миру, и осуждать твоих братьев, тебе нечего делать в этом монастыре. Ты не приходишь в обитель святого Саввы, чтобы судить, а приходишь в пустыню, чтобы обращать сердце твое к Богу. Если ты увидишь, что

брат твой согрешил, это не твоя проблема. А если его грех тебя смущает, ты сам иди исповедоваться». Вот какому первому наставлению меня научили: не судить, не желать переделать человечество, а преодолеть самого себя, чтобы снова восстановился мир в твоём сердце. Ты пришел в монастырь, чтобы обратиться. Обращение не состоит в самосознании. Самосознание часто бывает мимолётным, а обращение к Богу есть полное и неотрывное покаяние со слезами, глубокое желание коренного изменения.

На протяжении десяти лет я непрестанно задавал вопросы, до тех пор, пока не получал на них ответа. Однажды я услышал ответ. Не могу объяснить почему, но вдруг ответ становится очевидным, и тогда я мог перейти на другое дело.

Итак, духовный отец есть зеркало, отражающее ту божественную частицу, что во мне тлеет. Я вижу себя через его взор, слышу себя через его уста. Он не ведёт меня ни к себе, ни ко мне самому, он ведёт меня к Богу. Духовник не является существом необыкновенным, он простой, мудрый. Можно быть образованным, но не умным, или можно быть умным, но не мудрым. Мудрость ничего общего не имеет с образованием. Мой духовник это мое зеркало, я вижу себя, я слышу себя, я дышу через него. Он возвращает мне мой образ, образ преображенный благодатью, т.е. живую икону Христа. Целью человека не является человек, и не сверхчеловек, и не надчеловек. Цель человека это Бог! Старец не отражает идеализированный образ моего «я» или какого-то идола. Нам часто хочется слышать комплименты: «Как ты хорошо поёшь!» Но надо переживать лезть как яд, ранивший нашу душу, раздувающий нашу гордыню. Если я например снимаю цветок, не фотография красивая, а сам цветок, величие которого я уловил. Нельзя присвоить себе то, что Бог дает даром.

***После ухода из монастыря,
потеряли ли Вы связь с ним?***

Нет, никогда. Мы раз навсегда повинемся старцу и можем сохранить связь с ним на расстоянии. Я регулярно ездил в монастырь святого Саввы, когда я еще не был священником. Я там побывал на Великий Пост, на Рождественский Пост. Я к старцу ездил регулярно, чтобы он меня проверял.

Он меня научил никогда не стыдиться моего невежества и я этому учусь до сегодняшнего дня!

***Отец Герасим, еще один последний вопрос:
какие у Вас проекты для скита?***

Построить деревянную часовню, чтобы свидетельствовать о красоте Православия во Франции, найти издателя, готового распространять мои стихотворения и фотографии в России, чтобы показать русскому народу, что во Франции сильный запрос Православного Предания.

Еще одно желание: принимать паломников, художников, русских монахов, чтобы скит остался живой обителью, ибо в наших Севеннах мы очень изолированы. Я старею, кто унаследует скитом Святой Веры? Во Франции так мало людей имеющих призвание!

Мы всецело полагаемся на волю Божию, и уповаем на Господа, ибо написано у Евангелиста Матфея: «Просите и дано будет вам, ищите и найдете, стучите и отворят вам» (7,7).

Мы благодарим читателей, которые за нас молятся.

*Беседовала и переводила Анна Давиденкова в Париже.
Исправили текст диакон Герман Демидов в Москве
и протопресвитер Борис Бобринский во Франции.*

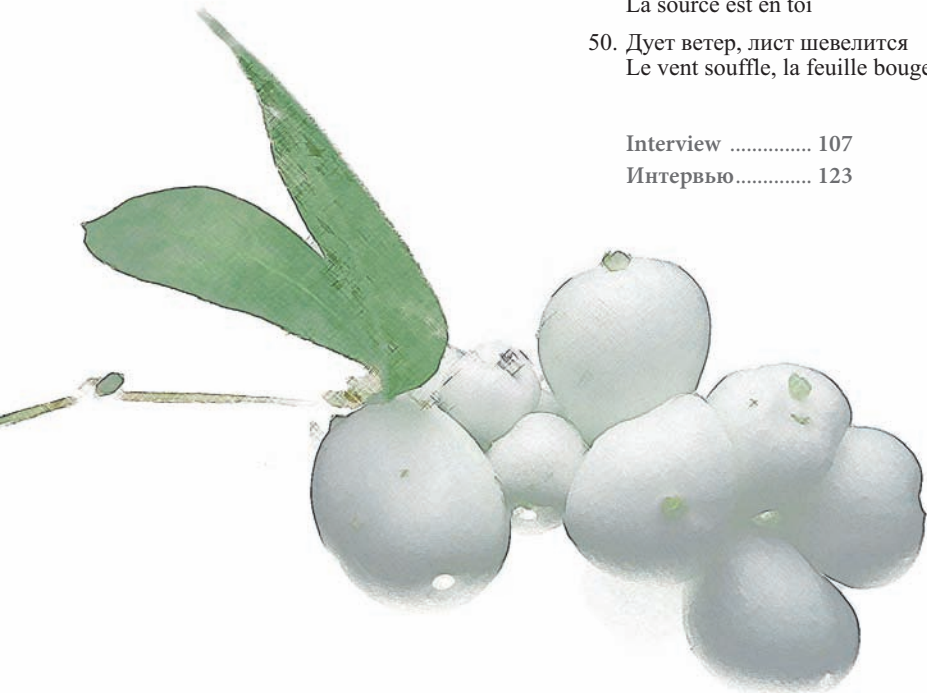
Table des matières Оглавление

Préface	
Предисловие	4
Avant-propos	
Вступление	6
Poèmes	
Поэзия	10

1. Скит
Skite	15. Светопись
Écriture de Lumière
2. Невинность
Innocence	16. Прежде всех век, Аз есмь
Avant le temps, Je suis
3. Любовь
Amour	17. Красота
Beauté
4. Цветок жизни
Fleur de vie	18. Жено, се сын Твой
Femme, voici ton fils
5. Смерть
Mort	19. Бег времени
Vol du temps
6. Жизнь
Vie	20. Царствие Божие внутри нас есть
Le Royaume de Dieu est en nous
7. Чайание земли
Désir de la terre	21. Между Единым и первым
Entre l'Unique et le premier
8. Здесь и ныне
Ici et maintenant	22. Сердечная молитва
Prière du cœur
9. Растительный собор
Cathédrale végétale	23. От образа до подобия
De l'image à la ressemblance
10. Утреннее лобзание солнца
Vaiser matinal du soleil	24. Сын
Fils
11. Тишина
Silence	25. Существую
Je suis
12. Боюсь
J'ai peur	26. Прекрасное или красивое
Beau ou beau
13. Художник
Artiste	27. Безмолвное пение
Chant du silence
14. Монах
Moine	28. Человек вновь обретает свой
образ в Боге
L'homme retrouve son image
en Dieu

29. Святая лестница
Échelle sainte	39. Традиции и обычаи
Traditions et coutumes
30. Познай себя
Connais-toi	40. Проспать свою жизнь
Dormir sa vie
31. Присутствие
Présence	41. Келья сердца
Cellule du cœur
32. Древо креста
Bois de la croix	42. Причастность
Partager
33. Бог-Тот абсолютно Иной
Le Tout Autre	43. Садовник
Jardinier
34. Быть или казаться
Être ou paraître	44. Чего ты хочешь ?
Que veux-tu ?
35. Почему ? Как ?
Pourquoi ? Comment ?	45. Любовь – источник...
L'Amour est source...
36. Созерцание
Contemplation	46. Милосердие
Charité
37. Будь Садовником моего сердца
Sois le Jardinier de mon cœur	47. Пророк
Le prophète
38. В день грозы
Jour d'orage	48. Блудный сын
Le Fils prodigue
	49. В тебе источник
La source est en toi
	50. Дует ветер, лист шевелится
Le vent souffle, la feuille bouge

Interview 107
Интервью..... 123

RÉSURRECTION

Publications de Frère Jean :

- Le Mont Athos. Diaporama, éd. du Berger, 1987
Hommes de lumière, éd. Mame, 1988
Fils de Lumière, éd. Jacqueline Renard, 1990
Jardin de la Vierge, éd. Jacqueline Renard, 1991
J'ai soif d'une eau de vie, éd. Terre du Ciel, 1994
L'Amour en question, éd. Le Fennec, 1995
Insaisissable fraternité (en coll.), éd. Dervy, 1998
Le jardin de la foi, éd. Presses de la Renaissance, 2008
Jardin en Lozère, éd. CG Lozère, 2009
Pierres vivantes, éd. Musée Art Sacré du Gard, 2010
Visages de lumière, éd. Marseille capitale de la culture, 2013
Fondation du Skite Sainte Foy en Cévennes, éd. Art Sacré, 2016
Rédacteur de la revue Art Sacré, éd. Art Sacré

Poèmes et photographies de Frère Jean

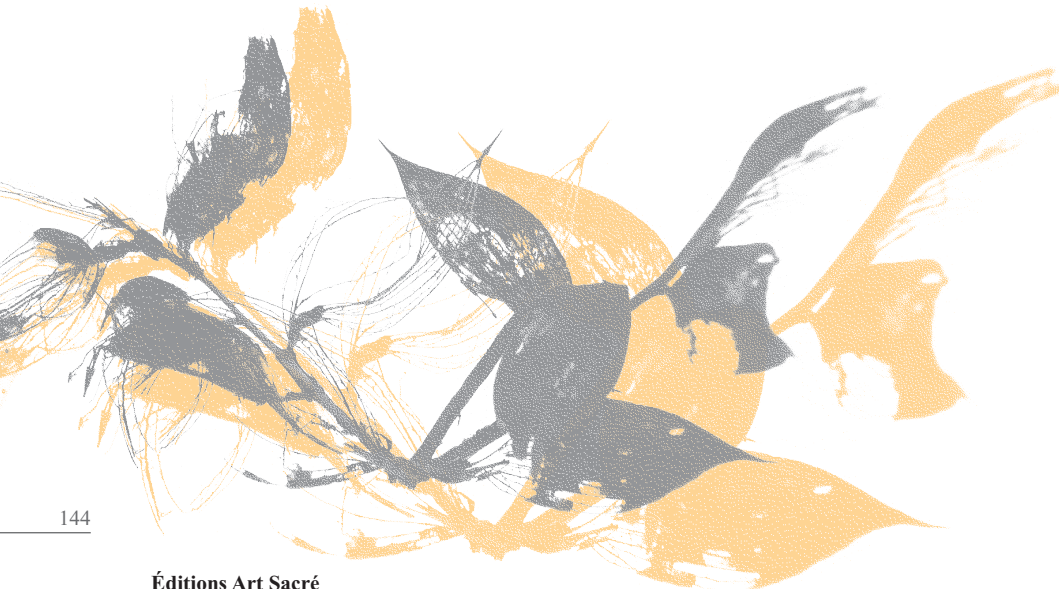
Traduction : Anna Davidenkoff

Maquette Aline Lugand

Поэзия - Фотография Брат Иоанн

Перевод Анна Давиденкова

Макет Aline Lugand

Éditions Art Sacré

Le Verdier - 48160 Saint-Julien-des-Points

www.photo-frerejean.com

skite.saintefoy@wanadoo.fr

Tél : 04 66 45 42 93

Издательство “Священное Искусство”

Франция - 48160 Сен-Жюльен-де-Пуэн, Ле Вердьё

Сайт : www.photo-frerejean.com

E-mail : skite.saintefoy@wanadoo.fr

Tél : 00 33 (0)4 66 45 42 93

Imprimerie : Esqualis, Nîmes

Типография : Esqualis в Ниме

Dépôt légal : octobre 2017

Обязательный экземпляр октябрь 2017

ISBN 979-10-699-1132-1

© Éditions Art Sacré, 2017

Ce recueil poétique et photographique
témoigne, par une écriture de lumière,
de la foi dans le quotidien d'un moine
qui demeure émerveillé par la majesté du simple.

Le jardin du skite Sainte Foy se situe dans le sud de la France,
dans les collines du Parc National des Cévennes,
à Saint-Julien-des-Points, un petit village de 99 habitants.
Il dépend canoniquement de l'Archevêché russe
en Europe occidentale dans l'obédience
du Patriarcat œcuménique de Constantinople.

Этот сборник поэзии и фотографий
свидетельствует, в словах и светописии,
о вере монаха, который в повседневной жизни
не перестаёт восхищаться величием простого.

Сад скита Святой Веры расположен на юге Франции,
в холмистой местности Национального Парка Севени,
в деревушке Сен-Жюльен-де-Пуэн, где живёт
девятью девять человек.
Скит подчиняется Архиепископии православных
русских церквей в Западной Европе, Экзархату вселенской
Константинопольской Патриархии.

ISBN 979-10-699-1132-1

20 €

